

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ



## ЖЕЛЕЗНАЯ ВОЛЯ

ПОВЕСТЬ

*Наш постоянный автор Сергей Михеенков работает над новой книгой “Берлин-45”, которая состоит из повестей о героях Берлинской операции.*

### ДРАКА ПРЕДСТОИТ СЕРЬЁЗНАЯ...

#### Предисловие

*...лишь несколькими сражениям суждено будет стать символами войны, и среди них обязательно будет битва за вражескую столицу.*

Алексей Исаев. Битва за Берлин.

Берлинская наступательная операция, проведённая Красной армией в апреле-мае 1945 года, стала апофеозом Великой Отечественной войны. Взятие Красной армией Берлина, гибель и пленение военной и политической верхушки Третьего рейха поставили точку в войне на европейском театре. Решение японской проблемы было делом времени, по расчётам штабов, полтора-двух месяцев. Так оно и вышло.

---

*МИХЕЕНКОВ Сергей Егорович родился в 1955 г. в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Служил в армии на Чукотке. Окончил филологический факультет Калужского государственного педагогического института им. К. Э. Циолковского и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Работал журналистом, учителем, научным сотрудником краеведческого музея, занимался издательской деятельностью. Автор пятнадцати книг прозы. Лауреат премий им. Н. А. Островского и А. Хомякова. Живёт в г. Тарусе на Оке.*

Войска центра, сделав необходимую перегруппировку и накопив достаточное количество сил и средств, бросились в последнюю атаку.

Но прологом последнего штурма были зимние сражения 1944–1945 годов. В том числе и на Западном фронте, где наступали союзники.

Маршал Г. К. Жуков ещё в ноябре сорок четвёртого, стоя со своими армиями на Висле, отдал распоряжение штабу фронта приступить к предварительной разработке захвата Берлина. В феврале сорок пятого армии 1-го Белорусского фронта получили директивы на последний удар, но затем последовали распоряжения, отменяющие удар в глубину, в направлении Берлина. В результате удачно проведённой Висло-Одерской наступательной операции войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов взломали оборону противника и продвинулись по немецкой территории до Одера, на некоторых участках захватив плацдармы. Однако немецкое командование быстро восстановило фронт и значительно усилило группу армий “Висла”. К тому же войска двух советских фронтов и без того слишком глубоко выдвинулись вперёд. Реальная опасность фланговых ударов под основания глубокого вклинения из районов Восточной Померании с севера и Силезии на юге заставила советское командование приостановить наступление в центре и разобраться с группировками противника на флангах.

Маршалы И. С. Конев и Г. К. Жуков вынуждены были развернуть свои линии на юг и на север и главными силами ударить по немецким группировкам, чтобы покончить с ними, а затем уже беспрепятственно двигаться в глубину Германии. Основу ударных группировок обеих фронтов составляли танковые армии. Они-то и понесли главные потери. Висло-Одерская, Восточно-Померанская, Верхне-Силезская и Нижне-Силезская наступательные операции увенчались успехом. Они приблизили Победу. Но без восстановления выбывших боевых машин и пополнения экипажами маневр в направлении Берлина был невозможен. Войска фронтов остановились на рубеже рек Одера и Нейсе.

Тем временем после неудачи в Арденнах активизировались союзники. 1 апреля 1945 года Черчилль пишет американскому президенту Рузвельту: “...Русские армии на юге, судя по всему, наверняка войдут в Вену и захватят всю Австрию. Если мы преднамеренно оставим им и Берлин, хотя он и будет в пределах нашей досягаемости, то эти два события могут усилить их убежденность, которая уже очевидна, в том, что всё сделали они. Поэтому моё мнение таково, что с политической точки зрения мы должны вклиниться в Восточную Германию настолько глубоко, насколько это возможно, и, разумеется, захватить Берлин, если он окажется в зоне досягаемости”<sup>\*</sup>.

Говорят, содержание письма, посланного с одного континента на другой, благодаря усилиям советской разведки, тут же стало известно “дядюшке Джо”<sup>\*\*</sup>, и он тут же отреагировал.

Во-первых, войска центра начали готовиться к решающей атаке на Берлин.

Во-вторых, следом за письмом Черчилля в Белый дом полетело послание Сталина. На первый взгляд, совершенно по другому поводу. Но тема была всё та же.

*“Лично, строго секретно.*

*От маршала И. В. Сталина президенту господину Рузвельту.*

*Отправлено 3 апреля 1945 г.*

*Получил Ваше послание по вопросу о переговорах в Берне.*

*Вы утверждаете, что никаких переговоров не было ещё. Надо полагать, что Вас не информировали полностью. Что касается моих военных коллег, то они, на основании имеющихся у них данных, не сомневаются в том, что переговоры были, и они закончились соглашением с немцами, в силу которого немецкий командующий на западном фронте маршал Кессельринг согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска,*

<sup>\*</sup> Черчилль У. Вторая мировая война. — М.: Воениздат, 1991.

<sup>\*\*</sup> Так Черчилль и Рузвельт за спиной называли И. В. Сталина. Тот об этом знал и на англо-американское прозвище не обижался.

а англо-американцы обещались за это облегчить для немцев условия перемирия.

Я думаю, что мои коллеги близки к истине. В противном случае был бы непонятен тот факт, что англо-американцы отказались допустить в Берн представителей Советского командования для участия в переговорах с немцами.

Я понимаю, что известные плюсы для англо-американских войск имеются в результате этих сепаратных переговоров в Берне или где-то в другом месте, поскольку англо-американские войска получают возможность продвигаться вглубь Германии почти без всякого сопротивления со стороны немцев, но почему надо было скрывать это от русских и почему не предупредили об этом своих союзников — русских?

И вот получается, что в данную минуту немцы на западном фронте на деле прекратили войну против Англии и Америки. Вместе с тем немцы продолжают войну с Россией — с союзницей Англии и США.

Понятно, что такая ситуация никак не может служить делу сохранения и укрепления доверия между нашими странами”.

Надо понимать здесь вот что. В Сталине проснулся грузин, горец. В своей стране и среди своих он не терпел предателей и тех, кто нарушал клятву, презирал лгунов и двурушников. На Ялтинской конференции “большая тройка” приняла решение о передаче Берлина в советскую зону оккупации. И теперь выяснялось, что союзники на финише решили пренебречь договорённостями.

Тем временем армии центра расширили Кюстринский плацдарм (1-й Белорусский фронт) и вели успешное наступление в Силезии (1-й Украинский фронт). Одновременно войска проводили перегруппировку, накапливали ресурс, принимали пополнение.

В создавшихся обстоятельствах, притом, что планы союзников относительно Берлина были неясны и двусмысленны одновременно, и с военной точки зрения, и с политической затягивать с Берлинской операцией было нельзя.

Г. К. Жуков вспоминал: “29 марта по вызову Ставки я вновь прибыл в Москву, имея при себе план 1-го Белорусского фронта по Берлинской операции. Этот план отработывался в течение марта штабом и командованием фронта, все принципиальные вопросы в основном заранее согласовывались с Генштабом и Ставкой. Это дало нам возможность представить на решение Верховного Главнокомандования детально разработанный план.

Поздно вечером того же дня И. В. Сталин вызвал меня к себе в кремлёвский кабинет. Он был один. Только что закончилось совещание с членами Государственного Комитета Обороны.

Молча протянув руку, он, как всегда, будто продолжая недавно прерванный разговор, сказал:

— Немецкий фронт на западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки. Вот карта, смотрите последние данные о немецких войсках.

Раскурив трубку, Верховный продолжал:

— Думаю, что драка предстоит серьёзная...

Потом он спросил, как я расцениваю противника на берлинском направлении”\*.

Сталин опасался глубокого прорыва союзников и, в сложившихся обстоятельствах, беспрепятственного их марша на Берлин через Эльбу. Вот почему к операции были неожиданно привлечены подвижные силы 1-го Украинского фронта и даже часть левого фланга 2-го Белорусского фронта маршала К. К. Рокоссовского. По первоначальному замыслу на армии И. С. Конева и К. К. Рокоссовского ложились блокирующие функции. А 1-й Белорусский должен был совершить маневр на Берлин в обход многополосной обороны

---

\* Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. — М.: Олма-Пресс, 2002.

Зееловских высот. Но потом планы пришлось изменить. Изменённый план штурма предполагал некоторые преимущества, но, одновременно, усложнял задачи армий маршала Г. К. Жукова, направляя их удар через эшелонированную оборону Зееловских высот. Директива Ставки ВГК № 11059 командующему 1-го Белорусского фронта предписывала: “Главный удар нанести с плацдарма на р. Одер западнее Кюстрина силами четырёх общевойсковых армий и двух танковых армий”. И ещё: “Танковые армии ввести на направлении главного удара после прорыва обороны для развития успеха в обход Берлина с севера и северо-востока”. А это был уже марш-манёвр, который блокировал возможность проникновения союзников в район Берлина с северо-запада и запада.

В этих обстоятельствах перед маршалом Г. К. Жуковым вставала, пожалуй, самая трудная задача за всю войну. Ставка, по сути дела, изымала танковые армии, обрекая ударную группировку 1-го Белорусского фронта на медленное прогрызание немецкой обороны, что, конечно же, угрожало максимальным расходом собственных ресурсов. Что вскоре и произошло. При этом невозможно было избежать и ещё одной серьёзной опасности: противник под давлением атакующих войск 1-го Белорусского фронта будет отходить на запасные позиции и, в конце концов, окажется в городских кварталах, за полутораметровыми стенами зданий, в подвалах и полуподвалах, в бетонных дотах, откуда его придётся выковыривать, как говорят, штучно, тяжёлой артиллерией или сапёрным подразделениям. А это — время, сверхусилия и новые потери в личном составе. Чтобы не допустить отхода в Берлин 9-й армии генерала пехоты Бюссе, Г. К. Жуков запланировал, в частности, удар левофланговых 69-й и 33-й армий в направлении Бонсдорфа.

С Кюстринского плацдарма наступающим войскам Г. К. Жукова предстояло с боями пройти, проползти, пробежать, преодолеть на броне танков и самоходок шестьдесят километров по пересечённой местности, изобилующей каналами, реками и исхлётанной линиями окопов и траншей, занятых измотавшимися к обороне войсками.

Перед самым началом штурма Г. К. Жукову всё же удалось переубедить Сталина и оставить одну танковую армию, так как изъятие из ударной группировки обеих танковых армий было слишком рискованно. 1-ю гвардейскую танковую армию М. Е. Катюкова комфронта предложил поставить в затылок дивизиям 8-й гвардейской армии В. И. Чуйкова.

“Выслушав мои доводы, — вспоминал Г. К. Жуков, — И. В. Сталин сказал:

— Действуйте, как считаете нужным, вам на месте виднее”.

Основной удар с Кюстринского плацдарма Г. К. Жуков решил нанести силами 5-й ударной, 8-й гвардейской и двумя гвардейскими танковыми армиями — 1-й и 2-й.

Так вскоре и произошло. Правда, танковые армии, по первоначальному замыслу, решено было вводить примерно на полпути к Берлину, чтобы нарастить удар общевойсковых армий, ввести в пробитые бреши бронетанковые мобильные соединения. Этот тактический приём был уже отработан в ходе предыдущих операций. Но всё пошло не так.

Войска левофлангового 1-го Украинского фронта наступали с юга. В директиве Ставки войскам маршала И. С. Конева предписывалось: “...разгромить группировку противника <...> южнее Берлина”. В своих мемуарах И. С. Конев после войны писал: “Обрыв разграничительной линии у Люббена как бы намекал, наталкивал на инициативный характер действий вблизи Берлина. Да и как могло быть иначе? Наступая, по существу, вдоль южной окраины Берлина, заведомо оставляя его у себя нетронутым справа на фланге, да ещё в обстановке, когда неизвестно наперёд, как всё сложится в дальнейшем, казалось странным и непонятным. Решение же быть готовым к такому удару представлялось ясным, понятным и само собой разумеющимся”.

Так и произошло.

Уже 8 апреля И. С. Конев директивой войскам фронта № 00211 дал отмену командующему 3-й гвардейской танковой армией П. С. Рыбалко: “Иметь в виду усиленным танковым корпусом со стрелковой дивизией 3-й гвардейской армии атаковать Берлин с юга”.

Основу обороны подступов к Берлину и самого города составлял одерско-нейсенский оборонительный рубеж и непосредственно берлинский оборонительный район. Главная оборонительная линия имела до пяти сплошных полос траншей, первая из которых проходила по восточным берегам рек Одер и Нейсе. За нею начиналась вторая линия, основу которой составляли Зееловские высоты. Высоты закрывали Кюстринский плацдарм и непосредственно берлинское направление. Именно Зееловские высоты были наиболее насыщены инженерными сооружениями, тяжёлым вооружением и защищались надёжными частями и соединениями. Этот оборонительный район защищали четырнадцать дивизий противника. Накануне советского наступления их численный состав был доведён до штатного.

За высотами находилась следующая полоса.

Атака началась в 5:00 по московскому времени, за два часа до рассвета. На участке 1-го Белорусского фронта немецкую оборону обрабатывали 9000 орудий и миномётов и 1500 «катюш». Артиллерийское наступление проводилось на отрезке в 27 километров, где планировался основной прорыв.

Что касается «прожекторной атаки», то её эффективность и непосредственными участниками тех событий, и историками оценивается как сомнительная. Тем не менее на отдельных участках уцелевшие пулемётные и противотанковые расчёты были ослеплены мощным светом прожекторов и не могли вести точного огня.

Первые часы наступления шло успешно. Авангарды ударной группы вышли к траншеям второй полосы. И тут началось ожесточённое сопротивление. Стрелковые соединения не смогли преодолеть мощных инженерных сооружений Зееловских высот, плотно набитых огневыми средствами. Пехота залегла. Продвижение застопорилось. Успех операции оказался под угрозой. Чтобы сдвинуть войска с места, маршалу Г. К. Жукову пришлось срочно вводить в дело 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии. Противник отреагировал вводом в бой на этом участке оперативных резервов группы армий «Висла». Только к утру 18 апреля, то есть на третьи сутки наступления, войска 1-го Белорусского фронта овладели Зееловскими высотами. А к исходу 19 апреля была прорвана и третья линия обороны противника.

Двадцатого апреля артиллерия 3-й ударной армии нанесла мощный удар по Берлину. А на следующий день, 21 апреля авангарды 3-й ударной, 2-й гвардейской танковой, 47-й и 5-й ударной армий завязали бои на окраинах вражеской столицы.

К исходу дня 21 апреля, совершив многокилометровый марш-маневр с левого фланга 1-го Украинского фронта на правый, на южные окраины города вышли танки П. С. Рыбалко.

В последующие дни битва за Берлин носила особенно ожесточённый характер.

К двадцать третьему апреля наибольшего успеха добился 9-й стрелковый корпус генерал-майора И. П. Рослого. Части корпуса, действуя в авангарде 5-й ударной армии Н. Э. Берзарина, ворвались в Карлсхорст и Кёпеник. К 24 апреля темп наступления группировки 1-го Белорусского фронта снизился, однако остановить атакующих было уже нельзя. Впереди был центр Берлина.

Тем временем на вспомогательном направлении наступали 61-я армия и 1-я армия Войска Польского. Эта группировка атаковала на правом крыле фронта маршала Г. К. Жукова на участке, первоначально предназначенном для наступления танковых армий. Они охватывали Берлин с севера и продвигались к Эльбе.

Битва за Берлин рушила многие планы. Отматываем ленту событий немного назад. Неожиданно первый значительный успех наметился на участке 1-го Украинского фронта. Атака началась ранним утром 16 апреля сорокаминутным артиллерийским наступлением. Артиллерия перенесла огонь с переднего края в глубину немецкой обороны, а тем временем передовые усиленные батальоны уже приступили к форсированию реки Нейсе. Под прикрытием дымовой завесы за короткий промежуток времени были оборудованы 133 переправы, и поток войск хлынул на западный берег. Немцы, видя угрозу прорыва, бросили в бой не только оперативные, но и тактические резервы

с целью сбросить авангарды маршала И. С. Конева в Нейсе. Но было уже поздно.

Утром 17 апреля танковые армии генералов П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко были уже на западном берегу и развивали удар на северо-запад в направлении Берлина.

Авиация обеих фронтов действовала непосредственно по переднему краю обороны противника и в её глубине. Уничтожались огневые точки на пути продвижения наступающих войск, инженерные сооружения, скопление резервов, склады и транспортные колонны.

Войска 1-го Украинского фронта действовали на двух направлениях: главном и второстепенном. По узкому коридору, пробитому 13-й, 3-й и 5-й гвардейскими армиями, И. С. Конев гнал вперёд свои подвижные силы — 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии. К исходу второго дня атаки танки подошли к Шпрее и начали форсирование реки.

На второстепенном, дрезденском направлении, которое по первоначальному плану было основным, успешно наступали части 52-й армии генерала К. А. Коротеева и 2-й армии Войска Польского генерала К. К. Сверчевского.

Успех войск И. С. Конева подтолкнул Ставку к неожиданному решению: повернуть танковые армии 1-го Украинского фронта на Берлин. Комфронта тут же направил П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко приказ: “На главном направлении танковым кулаком смелее и решительнее пробиваться вперёд. Города и крупные населённые пункты обходить и не ввязываться в затяжные фронтальные бои. Требую твёрдо понять, что успех танковых армий зависит от смелого маневра и стремительности в действиях”.

Танковые генералы поняли замысел своего маршала. Темп движения танковых потоков 1-го Украинского фронта к Берлину составлял 35–50 километров в сутки.

Тем временем общевойсковые армии блокировали крупные группировки противника в районе Котбуса и Шпремберга.

К исходу 20 апреля войска маршала И. С. Конева рассекли немецкую оборону. Группы армий “Висла” и “Центр” уже не составляли цельного фронта и единой силы. Немецкое командование бросало под гусеницы танковых армий свои последние резервы. Но тщетно! На рассвете 22 апреля корпуса 3-й гвардейской танковой армии форсировали канал Нотте, с ходу прорвали внешний оборонительный обвод Берлина и к исходу дня заняли оборону на южном берегу канала Тельтов.

В этот день, 22 апреля, немецкое командование предприняло последнюю серьёзную попытку повлиять на ход сражения. В ставке Гитлера было принято решение снять с Западного фронта 12-ю армию В. Венка и деблокировать 9-ю армию Т. Бюссе.

События ближайших дней развивались следующим образом.

Весь день 23 апреля войска маршала И. С. Конева проводили перегруппировку и стягивали к мощной обороне противника по линии Тельтов-канала артиллерию большой мощности. Противоположный северный берег нависал над водой отвесной стеной. С ходу не перепрыгнешь. По берегу и в глубину — траншеи, железобетонные доты, окопанные танки и самоходки, противотанковые орудия для стрельбы прямой наводкой. По обрезу канала — плотная застройка домов со стенами толщиной от метра и более. В полосе действий 6-го гвардейского танкового корпуса плотность АБМ была доведена до 650 стволов на километр фронта. Тяжёлые снаряды разносили двухметровые стены зданий в пыль. После артподготовки генерал-майор Митрофанов успешно переправил свой корпус на северный берег.

Группа армий “Центр” ещё 20 апреля начала контратаковать советские войска. 23 апреля последовал мощный контрудар в стык 52-й армии и 2-й армии Войска Польского, в результате которого боевые порядки на левом фланге 1-го Украинского фронта были смяты, ударные части немецких войск продвинулись в глубину, угрожая тылам наступающих.

В полдень 25 апреля западнее Берлина авангарды 4-й танковой армии 1-го Украинского фронта встретились с ударными группами 47-й армии 1-го Белорусского фронта.

В тот же день часть сил 4-й гвардейской танковой армии совместно с 13-й общевойсковой армией отбивали попытку 12-й армии Венка прорваться в Берлин. 3-я гвардейская и часть сил 28-й армии зажали в кольцо и кромсали 9-ю армию Т. Бюссе.

Задачи 2-го Белорусского фронта в Берлинской наступательной операции состояли в следующем.

*Первое.* Нанести рассекающий удар севернее Берлина и тем самым обезопасить правый фланг 1-го Белорусского фронта от возможного воздействия противника с севера.

*Второе.* Прижать к морю немецкую группировку, находящуюся севернее Берлина и уничтожить её.

Задача морякам Днепровской военной флотилии: бригады речных кораблей должны содействовать частям 5-й ударной и 8-й гвардейской армий в переправе через Одер. Кроме действий на переправах, моряки обеспечивали противоминную оборону водных транспортных путей.

Корабли Краснознамённого Балтийского флота действовали совместно с войсками маршала К. К. Рокоссовского, блокируя с моря группу армий “Курляндия”.

Кольцо вокруг Берлина замкнулось в полдень 25 апреля. 6-й гвардейский механизированный корпус 4-й гвардейской танковой армии соединился с авангардом 47-й армии генерала Ф. И. Перхоровича.

По оценке советской разведки, гарнизон Берлина насчитывал более 200 000 солдат, офицеров и бойцов фольксштурма при 3000 орудиях и 250 танках.

Каждый дом был превращён в крепость. Каждая улица — в цитадель. Подземелья служили коммуникациями, по которым перебрасывались резервы и боеприпасы.

В этот же день самолёты 16-й Воздушной армии генерала С. И. Руденко нанесли два массированных удара по центру Берлина. Первая волна — 899 самолётов, вторая — 590. Проведено 27 воздушных боёв, сбито 20 ФВ-190. Из них 13 сбито в районе Берлина.

Корпус генерала И. П. Рослого по-прежнему продвигался в качестве первого эшелона 5-й ударной армии. Его дивизии продолжали наступление вдоль западного берега реки Шпрее. В тот же день 25 апреля части 8-й гвардейской армии генерала В. И. Чуйкова захватили переправу через Ландверканал — целёхонький мост, который немцы заминировали, но взорвать не успели. Его тут же разминировали и пустили танки и артиллерию. Одновременно 11-й гвардейский танковый корпус полковника А. Х. Бабаджаняна овладел исправной переправой через Ландверканал и сразу же ею воспользовался — танки и самоходки пошли вперёд.

Во второй половине дня всё того же 25 апреля случилась неувязка в полосе действий 3-й гвардейской танковой армии. Бомбардировочная авиация 1-го Белорусского фронта с больших высот, возможно, из-за создавшейся тесноты, отбомбила боевые порядки наступающих войск 1-го Украинского фронта. Убито и ранено только в 3-й гвардейской танковой армии до ста человек. Потери понесла также 4-я гвардейская танковая армия Д. Д. Лелюшенко.

Командующие фронтами были в бешенстве. Говорят, дело дошло до столкновения, и не только сильных характеров. Правда, достоверных сведений об этом нет. Однако, когда речь заходит о штурме Берлина, “знатоки” непременно упоминают и о схватке маршалов. Что ж, если даже такой эпизод в истории сражения за Берлин и, как говорят, имел место, то это легко объяснимо. Труднее представить, к примеру, другое. Отмотаем ленту событий назад: октябрь-ноябрь сорок первого, 4-я полевая армия фон Клюге стоит в Подмоскowie в нескольких километрах от Серпухова, она уже захватила Наро-Фоминск, Боровск, Верею, тем временем с юга Москву охватывают танки 2-й танковой армии генерала Гудериана; и вот в какой-то момент эти командующие схватились, не поделив добычу... Представить это невозможно. Вот и вся мораль той истории, которая, возможно, действительно произошла в осаждённом Берлине на одном из командных пунктов фронтов, атакующих уже центр Берлина.

Следующий день, 26 апреля, выдался трудным на всех участках советской атаки и немецкой обороны.

Дивизии 3-й ударной армии подошли к Фербиндунге-каналу, где встретили мощное сопротивление. 150-я стрелковая дивизия после артподготовки попыталась переправиться на противоположный берег, но под шквальным огнём отошла. 171-я стрелковая дивизия одним полком захватила небольшой плацдарм на другом берегу, но вскоре, атакованная танками и пехотой противника, вынуждена была оставить его.

Наступавшая юго-восточнее 8-я гвардейская армия В. И. Чуйкова и позиции 1-й гвардейской танковой армии в этот день были контратакованы в районе аэропорта Темпельхоф танками дивизии “Мюнхеберг”. Аэродром необходим был для обеспечения гарнизона необходимыми грузами. Немцы пытались его отбить. Но атака была пресечена в самом её начале. Как только танки “Мюнхеберга” вышли на рубеж атаки, большая их часть тут же была поражена противотанковой артиллерией и огнём танков генерала М. Е. Катукова. Советские артиллеристы и танкисты напомнили немцам, что это не сорок первый год, и даже не сорок третий, когда их “пантеры” и “тигры” казались неуязвимыми.

В этот день снова успешно наступал 9-й стрелковый корпус.

Окончательно определилась тактика наших наступающих войск. В уличных боях среди плотной застройки, частично разрушенной авиацией и артиллерией, наилучшим образом себя проявили небольшие по численности штурмовые группы: до взвода мотопехоты, отделение сапёров, два-три орудия, в том числе одно противотанковое, самоходка и танк.

Из хальбского “котла”, где была блокированы основные силы 9-й армии Бюссе, 26 апреля смогла вырваться часть войск. Прохуdivшийся “котёл” маршал И. С. Конев тут же “заклепал” тремя дивизиями 28-й армии и 63-й танковой бригадой 4-й гвардейской танковой армии.

Весь день 27 апреля был отмечен упорными боями, в ходе которых наши штурмовые группы и второй эшелон буквально прогрызали сплошную оборону противника. Драка шла за каждым дом. “Фаустников” и засевших в развалинах и полуподвальных помещениях домов приходилось выковыривать огнём артиллерии, выжигать огнёмётами.

К полудню следующего дня, 28 апреля, штурмовые группы 3-й ударной армии в бинокли сквозь дым и рыжую кирпичную пыль увидели здание рейхстага.

А к исходу 29 апреля батальоны капитана С. А. Неустроева и старшего лейтенанта К. Я. Самсонова овладели зданием министерства внутренних дел. Следующим был рейхстаг.

На этот день командование 1-го Белорусского фронта назначило общий штурм. Вначале была проведена тридцатиминутная артподготовка, затем войска пошли в атаку.

Атаку 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии поддерживала 9-я танковая бригада 9-го танкового корпуса. Главной пробивной силой броневой поддержки пехоты был полк ИСУ-152. Именно этой группировке суждено было атаковать рейхстаг, хотя по плану комфронта эта роль принадлежала другому соединению.

Начальник Генерального штаба генерал пехоты Кребс встретился с командующим 8-й гвардейской армией генерал-полковником В. И. Чуйковым и передал ему письменное обращение Геббельса и Бормана о том, что Гитлер покончил с собой, что власть передана Деницу, Борману и ему, Геббельсу, что он, Геббельс, “уполномочен Борманом установить связь с вождём советского народа”. Командующий армией выслушал Кребса и, как солдат солдату, заявил, что “не уполномочен вести какие-либо переговоры с германским правительством и речь может идти только о безоговорочной капитуляции берлинского гарнизона”. Чуйков связался по телефону со штабом фронта. Жуков задал Кребсу два вопроса:

1. Где находится труп Гитлера?
2. Обратилось ли одновременно германское правительство с аналогичной просьбой к командованию англо-американских войск?



Кребс ответил, что труп Гитлера сожжён и что с командованием англо-американских войск у них связи нет.

Для дальнейших переговоров в штаб Чуйкова прибыл заместитель командующего войсками 1-го Белорусского фронта генерал армии В. Д. Соколовский. Была сделана попытка связаться с Геббельсом для переговоров по поводу капитуляции берлинского гарнизона. Однако немецкая сторона предложения штаба 1-го Белорусского фронта о капитуляции не приняла. Двухсторонняя связь прервалась. Атаки возобновились с прежней яростью.

30 апреля бой шёл уже в здании рейхстага. Над зданием был поднят красный флаг. Бои в здании продолжались.

В этот день гвардейцы Катюкова продолжали штурм Зоологического сада. 2-я гвардейская танковая армия с 1-й польской дивизией дралась в районе Тиргартена.

1 мая бой в здании рейхстага продолжался.

В этот день застрелился генерал Кребс и многие другие офицеры побеждённой германской армии.

Потери Красной армии в Берлинской операции за этот день составили 254 человека убитыми и 893 ранеными.

2 мая немцы капитулировали.

Всё. Дело было сделано.

## 1

Весной, в середине мая 1941 года заместитель командующего 1-й Краснознамённой армией Дальневосточного фронта генерал-майор Николай Эрастович Берзарин получил телеграмму от начальника Генерального штаба генерала армии Г. К. Жукова: “Выехать немедленно. Жуков”.

Тучи собирались в грозу. Г. К. Жуков, хорошо понимая, что гроза вот-вот грянет, собирал под руку надёжных.

Берзарин ехал в Москву с беспокойным сердцем. Знал, что так нарком К. Е. Ворошилов вызывал тех, кого потом при подъезде к столице с поезда снимали сотрудники НКВД и напрямую везли во внутреннюю тюрьму в Лефортово, к следователям НКВД. Только что состоялся арест начальника Управления ПВО РККА Г. М. Штерна, с которым Берзарин служил на Дальнем Востоке. Бывший командующий войсками ДВФ к тому времени уже несколько месяцев служил в Москве, руководил противовоздушной обороной Красной армии. И вот ЧП: 15 мая 1941 года немецкий транспортный самолёт Ю-52, минуя посты ПВО, беспрепятственно пролетел по маршруту Белосток—Минск—Смоленск—Москва, где и приземлился на одном из основных аэродромов. Штерна тут же арестовали. Расстреляют его в конце октября под Куйбышевом. А тогда многих допрашивали по делу бывшего начальника Управления ПВО РККА и командующего войсками Дальневосточного фронта.

Немного успокаивало то, что перед самым отъездом из Генштаба позвонил адъютант Жукова и голосом, в котором не чувствовалось никакого подвоха и фальши, сообщил, что гостиница для него заказана на Чистых Прудах. Там он уже не раз останавливался.

В наркомате дежурный доложил, что его ждут в Главном управлении кадров. В Управлении действительно его ждали: вежливый полковник тут же ознакомил с приказом наркома от 26 мая 1941 года № 00190 — о назначении генерал-майора Н. Э. Берзарина командующим войсками 27-й армии.

Только тут он вздохнул с облегчением.

Армия стояла на западном направлении, на стыке Новгородской и Калининской областей со штабом в районе железнодорожного узла Бологое.

После ознакомления с приказом кадровик достал из сейфа синюю папку с красной звездой — личное дело Берзарина. Протянул новоназначенному командарму-27. Раньше читать своё личное дело ему не позволялось. Вот лист с его аттестацией за подписью начальника отдела боевой подготовки штаба ОВДВА и командующего Приморской группой войск И. Ф. Фёдко. Аттестация датирована декабрём 1934 года. В феврале 1939 года Ивана

Фёдоровича Федыко, командарма 1-го ранга, героя гражданской войны, кавалера ордена Ленина и четырёх орденов Красного Знамени расстреляли как активного участника “военно-фашистского заговора”.

Берзарин пробежал глазами текст аттестации, при этом пропуская смысл каждой фразы через призму нынешних и минувших обстоятельств и событий:

“Тов. Берзарин, выдающийся строевой командир с большой волей, хороший методист и организатор боевой подготовки. Участник гражданской войны. Будучи временно исполняющим обязанности (командира) для особых поручений тов. Берзарин выполнял исключительную работу, связанную с боевой учёбой частей армии. По моему заданию провёл ряд сборов с начсоставом группы. По своей подготовке, опыту тов. Берзарин подлежит выдвижению на должность командира и комиссара стрелкового полка вне очереди.

Командующий войсками группы *Федыко*.

Декабрь, 1934 год”.

Нет, не всё здесь безобидно. Не всё...

Дальше были подшиты знакомые документы. Ещё одна аттестация, партийная: “Тов. Берзарин защищал людей, впоследствии уволенных из РККА, идя вразрез с мнением политаппарата...” “Недостаточно самокритичен...” Но в целом аттестация положительная.

А вот кое-что из незнакомого. Когда Берзарин перевернул очередной лист, полковник отвернулся к окну. Полковник, конечно, знал этот документ. Хорошо, что бумага, а по сути дела — донос на него, на члена партии Берзарина, — осела здесь, в личном деле Главного управления кадров и не была направлена в другой наркомат, к лефортовским спецам. Автор неизвестен, фамилия и подпись старательно вымараны чёрной тушью, осталось только слово “полковник”.

Легко же у тебя, должно быть, складывается служба, полковник, если хватает времени и сил писать такие длинные “характеристики”. Чёрт бы тебя побрал...

Берзарин бегло просмотрел документ:

“Месяца 3-4 назад я слышал, что командир 32 дивизии Берзарин арестован. Я и другие считали, что это так и должно быть, и вот почему.

1. Берзарин был порученцем у Федыко не один год, и его в то время считали подхалимом. Он подхалимом и остался — это подтверждает его бывший комиссар Тентов.

2. Берзарин, благодаря протекции врагов Федыко, Балакирева, Могон, скакал, как блоха, добиваясь высокого положения, а именно:

по ходатайству Федыко он назначен командиром 77 полка.

Примерно через год, по ходатайству врага Балакирева был назначен начальником 2-го отдела штаба Примгруппы.

Не прошло и года, при участии Могона и Федыко он назначен командиром 32 дивизии.

Будучи в ОКДВА, я слышал удивление быстрой карьере Берзарина всех, кто его знает. И приписывал это его подхалимству и непосредственно его любимчику Федыко. Причём никто о нём как о хорошем работнике не отзывался. Враги его нахваливали, в частности, я знаю, — Могон.

Говорили о Берзарине так: “Берзарин пошёл в гору после того, как он всеми правдами и неправдами достал и оборудовал для Федыко мягкий салон-вагон”.

Сегодня я слышал от дальневосточников, что Берзарин назначается командиром на сугубо ответственное направление — на Посъет.

Считаю своим долгом высказать сомнение в его политической преданности. У меня о Берзарине сложилось мнение, как о подхалиме и участнике в делах врагов.

Считаю необходимым поставить Вас об этом в известность.

Полковник...”

Донес датирован декабрём 1938 года. Тогда уже затихало. Все, кого взяли, были расстреляны, другие сами покончили с собой.

Да, что и говорить, знал этот “полковник”, где щель посуше и куда лучше горящую головешку сунуть... Ведь мягкий салон-вагон был... По поводу

сомнения в политической преданности и участия в деле врагов, конечно, чужь собачья! Но вот салон-вагон действительно был.

Между лопаток по спине вниз скользнула холодная струйка.

А хороший метод воспитания у этого кадровика, со злой усмешкой подумал Берзарин, при всём при том всё же испытывая к хозяину кабинета подспудное чувство благодарности.

Кадровик рассказал, что до подписания приказа о назначении на 27-ю армию состоялся разговор между маршалом Тимошенко и Жуковым. Что Тимошенко, ознакомившись с личным делом, выразил сомнение. Но Жуков решительно настоял на назначении: “Смелый, решительный командир. Армию ему можно доверить вполне. — Но как же письмо? — Письмо... Это не письмо. Таких цидулек нам ещё насочиняют. Пятая колонна... Фактически помогают Гитлеру”.

Потом в буфете они пили кофе с бутербродами. Говорили о семьях. Разговор был хороший. Спокойный.

С этим настроением на следующий день Берзарин и отбыл к новому месту службы.

В Бологое прибыл к вечеру. И всю ночь просидел над штабными документами, входя в курс дел и пытаясь понять положение армии, состояние её частей и соединений.

На 27-ю армию его назначили временно, для “наведения порядка”. Нарком заверил, что скоро последует перевод в Прибалтику. Сказал во время встречи: “Начальник Генерального штаба рекомендует вас как смелого и решительного командира. Такие нам нужны там, поближе к границе”. Тогда же и договорились с Тимошенко, что семью из Хабаровска можно сразу перевозить туда, “поближе к границе”.

Вскоре Наталья Никитична с дочерьми из Хабаровска перебралась в Ригу. Берзарин отправил туда своего адъютанта, чтобы помог семье с переездом и устроиться на новом месте. Вскоре адъютант вернулся из Риги и передал просьбу жены увезти её куда угодно, только бы подальше от Риги. Рига Наталье Никитичне не понравилась, и, прежде всего, отношением рижан к русским, к мигрантам, к переселенцам. Берзарин тут же перезвонил в наркомат, и там проблему решили сразу и радикально: пусть семья не распаковывает чемоданы и ближайшим же поездом возвращается в Москву: “жилплощадь генерал получит в российской столице”.

В глубине души он надеялся, что, возможно, квартиру дадут в родном Ленинграде. Но — Москва так Москва...

Очень скоро он будет благодарить судьбу за то, что с местом проживания семьи сложилось всё так, как сложилось.

## 2

Родился он в Санкт-Петербурге 1 апреля 1904 года.

Отец, путиловский рабочий, слесарь, неплохо зарабатывал и вполне кормил семью. Рождению сына был рад. До этого родились две девочки. Назвали Николаем. После него родились ещё две сестры.

Мальчик рос шустрим, хватким. Рано выучился читать, и ещё до школы одолел несколько книжек. Когда поступил в начальную школу, за один год смог усвоить программу и первого, и второго классов. Так что на следующий год пошёл сразу в третий класс.

В 1913 году Николай Берзарин поступил на вечерние курсы и получил специальность переплётчика. Работал в типографии. Профессия переплётчика ему понравилась. Цех тихий, не то, что печатный, там шум, грохот. Рядом работают наборщики. Ловко набирают из касс — металлических ящичков — отлитые из металла буквы, складывают в слова и фразы, верстают целые страницы. Потом оттискивают на бумаге, вычитывают, не случилось ли ошибки. Если находилась ошибка или какая-либо пометка, тут же поправляли. Снова делали оттиск.

Переплётным делом он овладел быстро. Кожа, картон, бумага, клей. Оттиски краской, золотом. Присматривался к работе старых мастеров, перенимал

различные тонкости и секреты. У тех книги получались, как шкатулки из мрамора. Между делом переплёл свою старую хрестоматию с картинками, подаренную отцом. По ней он учился читать. В ней сказки, стихи, рассказы. Младшие сёстры были довольны — теперь хрестоматия перешла к ним.

Так бы и работал Николай Берзарин в переплётном цехе, одевал в кожу тома Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого и зарабатывал бы на жизнь своим мастерством, если бы однажды среди заготовок, которые шли внутрь переплёта, подклеивались для прочности и жёсткости, не попался плакат, который призывал молодёжь молодой Советской России вступить в ряды Красной армии.

Политикой Николай не интересовался. Революционные волнения и вихри пролетели мимо, не задев ни его самого, ни его семью. В автобиографии потом так и напишет: “В забастовках, стачках активного участия не принимал, на рабочие демонстрации ходил, и обе революции прошли у меня на глазах, активно собирал листовки, разбрасываемые по городу, и передавал рабочим, матросам и солдатам...” Этим занимались все питерские мальчишки.

На картонке плаката был указан адрес, где велась запись добровольцев. Его, физически крепкого и знающего грамоту, определили в пулемётную команду. Пулемётчики — элита пехотного полка. Пулемётная команда — шестьдесят бойцов при восьми пулемётах. Но было в уставе пулемётной команды, кроме всего прочего, роковое предназначение: во время отступления полка она отходила последней, прикрывая батальоны своим огнём. А это, как потом оказалось, было непросто. Пулемётчиков в плен не брали.

Прощай, переплётное дело! Запах кожи, типографской краски и клея! Прощайте, девушки из наборного цеха!

Даёшь запах казармы и ружейного масла! Даёшь пулемёт, тяжёлый, как могильная плита! Даёшь огонь “крестом” и “веером”!

Дома его ждали сёстры. Старшие уже вышли замуж, жили отдельно. А за младшими надо было присматривать. Родители ушли из жизни рано. Отец — в 1917 году. Мать — немного позже. Однажды в новенькой красноармейской форме, в скрипучих ремнях, пахнущих заводской добротной кожей, он пришёл на побывку. Принёс подарки. Сёстрам свидание со старшим братом, который был им теперь вместо отца, — настоящий праздник.

Вскоре полк ушёл на фронт. Летом 1919 года в портах Мурманска и Архангельска высадились англичане, французы, американцы и канадцы. В Кемском крае хозяйничали белофинны. Белогвардейцы всюду проводили мобилизацию в подконтрольных уездах.

Под Шенкурском полк в составе 6-й полевой армии участвовал в масштабной и, как оказалось, решающей операции. “Максимы” пулемётной команды работали так, что вторые и третьи номера едва успевали набивать патронами и подавать ленты, а в кожухах закипала вода. Иностранные легионы то и дело пытались контратаковать. Но пулемётчики пресекали всякую попытку приблизиться к позициям полка — “крестом”, “веером”...

В вещмешке в чистой паре портянок юный первый номер хранил заветную книгу. Он захватил её из дома. “Неволя и величие солдата” Альфреда де Виньи\*. Кушил её у букиниста и переплёл перед самым уходом в Красную армию. В минуты тишины доставал книгу, раскрывал наугад и читал страницу за страницей. “Неволя...” была уже не раз прочитана от начала до конца, и теперь он пытался осилить и осмыслить те места, которые пока оставались неясными, противоречивыми, похожими на цель, которая постоянно уклоняется. Мысли металась между идеалом, о котором он мечтал, уходя добровольцем в Красную армию, между *величием солдата*, и тем жестоким и грубым, пахнущим потом, мочой и кровью, чем пах каждый окоп и каждая стоянка в пути, что и было, как ему тогда казалось, *неволей солдата*. Он тогда ещё и не предполагал, какими картинками и какими страданиями время наполнит то и другое.

\* Альфред де Виньи (1797–1863) — французский граф, писатель. Представитель французского аристократического консервативного романтизма. Противник революции. В 15 лет поступил на военную службу (в охране короля Людовика XVIII) и уволился лишь в 1827 году. В сражениях не участвовал.

Шенкурская наступательная операция закончилась триумфом Красной армии. 6-я армия наголову разбила противника. Союзники ничего не могли противопоставить мощному напору красноармейцев. Канадско-американские войска побросали свои позиции вместе с артиллерией, несколько хорошо укрепленных линий вокруг Шенкурска и налегке отступили через замёрзшие болота, спасая свои жизни. В портах началась спешная погрузка на корабли, всё это время стоявшие на рейде. Угроза прорыва иностранного корпуса на Пермь с целью соединения с войсками Колчака и общей атаки на Москву миновала. В столицах вздохнули с облегчением. Захваченные трофеи восхищали своим количеством и разнообразием: пушки и гаубицы, пулемёты “люис”, “виккерс”, “гочкисс”, винтовки (около двух тысяч) “ремингтон”, “энфилд”, “манлихер”, Лебеля. Большое количество боеприпасов: тысячи снарядов и гранат, три миллиона патронов.

Судя по арсеналам, планы иностранцев в России были большими.

Пулемётчики, приводя в порядок трофейные “гочкиссы”, бережно протирали тонкие стволы, лагунные рукоятки, с любопытством разглядывали пластинчатые обоймы на двадцать пять патронов, раскладывали и складывали массивные и удобные треноги. Рассуждали так:

— Эти мерикашки — вояки так себе. А вот пулемёты у них — ничего себе...

Берзарину тоже достался “гочкисс”. Взамен “павшему” в бою товарищу “максиму” — в трёх местах продырявило пулями кожух, и пулемёт отправили в ремонт.

Молодой пулемётчик быстро освоил новое оружие. Когда выпадала свободная минута, открывал Альфреда де Виньи. Книга, как и пулемёт, всегда была рядом.

*Солдатская воля тяжка и неумолима, как железная маска безымянного узника, и придаёт физиономии любого военного что-то однообразно бесстрастное.*

*Вот почему, когда смотришь на какой-нибудь полк, можно заметить, что солдатские лица выражают обычно скуку и недовольство. Усталость, вдобавок, накладывает на них морщины, солнце сообщает им своеобразную желтизну, и преждевременная старость бороздит черты тридцатилетнего мужчины. И вместе с тем есть некая общая идея, которая придаёт порою всем этим собранным воедино суровым людям красоту подлинного величия — идея Самоотречения. Самоотречение воина — это крест ещё более тяжкий, нежели крест мученика. Нужно очень долго носить его, чтобы понять, сколь велико и страшно это бремя.*

Берзарин вглядывался в лица своих товарищей, но не замечал ни особой скуки, ни радости. Усталость отяжеляла их плечи и лица только после боя. Но они были молоды, и достаточно было двух-трёх часов сна и котелка наваристой каши, чтобы лица товарищей снова просветлели.

В 1921 году, когда Красная армия покончила со своими заклятыми врагами, Берзарина направили на учёбу. Смоленские командные пехотные курсы.

Курсы курировал маршал М. Н. Тухачевский. Не раз бывал на занятиях. Проводил с курсантами беседы. Берзарин и его однокурсники слушали героя гражданской войны, командующего 7-й армией, дислоцированной в Смоленске и окрестностях, затаив дыхание. Многие втайне мечтали о такой же военной карьере.

Именно сияющий звёздами и орденами маршал во время одной из бесед и сообщил им, курсантам, что в стране вспыхнул мятеж — взбунтовались матросы и гарнизон Кронштадта.

Вскоре сорокатысячная 7-я армия, усиленная сводным, до трёх тысяч, полком курсантов, заняла исходные для атаки на островной город и окружающие его форты.

После основательной обработки крепости артиллерией 7-й армии по льду Финского залива двинулись густые правильные цепи передового отряда.

Это пошли на приступ Смоленские курсы красных командиров. Им-то, этой первой волне, и досталось больше всего.

В первую волну Берзарин не попал. С ужасом смотрел, как лопался, расходился и вставал дыбом лёд от ответного огня крепостной артиллерии, как волокля по белому снегу его товарищей с перебитыми ногами и руками, оставляя кровавые следы.

Уцелевшие вернулись подавленными.

Готовилась вторая волна. В горячке неудачи первой атаки Тухачевский приказал расстрелять первых попавшихся под руку из морского дивизиона, расквартированного в Ораниенбауме (поддержали кронштадцев), командиров и солдат полка, отказавшегося идти в атаку. Расстреляли телеграфиста — “за распространение провокационных слухов”. За “дезертирство” расстреляли нескольких курсантов из первой волны. Во время атаки, когда цепи залегли, они поползли назад.

Перед атакой к ним пришли напутствовать Тухачевский и Федько. Федько, несмотря на особые обстоятельства, как всегда, выглядел щеголеватым. Ходил перед строем, как на пружинах. Позванивали малиновым звонком редкой ручной работы “савёловские” шпory. Зачитали приказ: “В ночь с 16 на 17 марта стремительным штурмом овладеть крепостью Кронштадт... Движение колонн Северной группы начать в 3 часа, Южной группы — в 4 часа 17 марта...”

Берзарин со своими товарищами был в Северной группе. Она начала своё движение со стороны Сестрорецка. Пулемёт волокля вдвоём со вторым номером. Впереди толкали санки с мешками, наполненными песком. Без них нельзя. Если доберутся до стен форта, придётся вести огонь, и мешки станут бруствером. Обмотались патронными лентами. Ноги отяжелели. То ли затекли и замёрзли, когда ждали начала атаки, то ли от страха. Со стен фортов заметили их цепи, открыли огонь. Засвистели над головой снаряды, зафырчали осколки. Товарищи бегут, подбадривают себя свирепыми возгласами и криками. Один упал, другой, ещё двое... Впереди разорвался снаряд. Другой — чуть погодя — позади. Вилка! “Ложись!” — кричит второй номер и толкает его на мокрый лёд. Взрыв! Окаатило ледяной водой. Полынья в двух шагах впереди. Дымится, качается, затаскивает в своё чрево санки с песком и пулемёт. Пропал пулемёт... Ящик с гранатами... Ящик цел. Его хоть не снесло взрывом. Схватили ящик, побежали вперёд, к отвесной стене. Добежали. Там уже перекинули верёвки, полезли вверх. Мигом затели на стену, как хищные звери в погоне за добычей, вместе с ящиком гранат. Набросились на оружейную прислугу. Добывали прикладами, кололи штыками, топтали сапогами. После первой схватки появились лишние винтовки. Разобрали их. Побежали дальше. По улицам города. От дома к дому. Кололи, били, крушили. Раненых матросов добывали. Пленных вначале не было. На Якорной площади сбились в кучу матросы и солдаты мятежного гарнизона. Некоторые уже бросили оружие, некоторые были обезоружены. Но накатила новая волна, и их обступили и начали колоть штыками, убивать прикладами. Они кричали разбитыми ртами, падали на колени, молились...

В приказе Тухачевского атакующим был такой пункт: “Жестко расправляться с мятежниками, расстреливать их безо всякого сожаления... пленными не увлекаться”.

По итогам операции начальник курсов в числе прочих объявил благодарность Берзарину.

Он будет уже носить полковничьи петлицы, когда в Ворошилове-Уссурийске в гарнизонной библиотеке найдёт старый журнал со статьёй маршала Тухачевского “Борьба с контрреволюционными восстаниями”. Тот, кто послал их “на кронштадтский лёд”, писал: “Несмотря на малую численность Северной группы, за неё всё время можно было быть спокойным. Задача на долю Северной группы выпала почти невыполнимая. Ей предстояло взять открытой силой пять неприступных фортов, обнесённых колючей проволокой и фугасами, и после этого ворваться в цитадель Кронштадта...”

Северная группа наступала с какой-то стальной отчётливостью...

Атака фортов курсантами беспримерна по своей смелости, натиску и единству действий”.

*Солдат — человек, нанятый за сольду, т. е. за жалованье, — это гордец, вызывающий к себе чувство жалости; это одновременно и осуждённый, и палач, это козёл отпущения, постоянно приносимый в жертву своему народу и ради своего народа, который над ним потешается; это мученик, ожесточённый и вместе с тем безропотный, которым попрекают друг друга то Власть, то Нация, непрестанно враждующие между собою\**.

Смоленские курсы Берзарин окончил в 1923 году с отличием и был направлен для прохождения дальнейшей воинской службы в Забайкалье. Получил должность командира пулемётной команды и командира взвода в 5-м Амурском стрелковом полку 5-й Амурской стрелковой дивизии. В те годы по тайге бродили банды из остатков Азиатской конной дивизии барона Унгерна, в отдалённых станицах и на хуторах жили, затаившись, офицеры из армии Колчака, отрядов атамана Семёнова, генералов Капшеля и Пепеляева. Из Харбина, ставшего в те годы центром русской эмиграции, время от времени пробирались вооружённые группы, в основном из числа белых офицеров, вели антисоветскую агитацию, расправлялись с партийными активистами, жгли советские учреждения. Оперативники местных отделов ОГПУ и отряды ЧОНа с ними не справлялись. Приходилось привлекать расквартированные поблизости войска РККА. Берзарину довелось участвовать в нескольких таких операциях.

В 1925 году Берзарин женился на Наталье Никитичне Просенюк, 1904 года рождения, служащей сберкассы. Брак зарегистрировали. В 1926 году родилась дочь Лариса. В 1938 году — Ирина.

В 1925 году поступил на курсы “Выстрел”. Слушал лекции известных теоретиков военного дела В. К. Триандафиллова, А. В. Кирпичникова, Н. Н. Шварца, Е. А. Шиловского, А. А. Самойло. А через два года окончил курсы комсостава Сибирского военного округа в Омске. Направлен в Иркутск на должность начальника учебной части курсов усовершенствования комсостава. Избран секретарём партийной организации курсов.

Иркутские курсы усовершенствования командного состава — это почти три тысячи человек включая преподавателей и обслуживающий персонал. Здания, учебное оборудование, подсобные помещения, полигон. Хозяйство большое. Одновременно исполнял обязанности коменданта города. Начал подкручивать дисциплину. Армейские в последнее время разболтались. Пьянки-гулянки. Милиция в те годы не имела полномочий задерживать или как-либо другим образом воздействовать на военных. Нужна была твёрдая рука. Комендантский патруль стал хозяином города. Под присмотром комендатуры теперь работали все питейные заведения, рестораны и даже столовые, где в буфетах наливали.

В Москву полетели жалобы. Жаловались и сигнализировали, разумеется, не по поводу ограничения торговли спиртным и сокращения работы питейных заведений. А здесь, в Иркутске, ворчали: “Здесь Сибирь, а не Филадельфия. Доведёт нас этот комендант до “сухого закона”...”

Но порядок был наведён.

В 1929 году грянул конфликт на КВЖД. Началось с нападений ватаг хунхузов на станции и поезда. Стало очевидным, что за беспорядками на КВЖД и разбоем хунхузов стоит антироссийская и антисоветская политика губернатора северных провинций Китая и Маньчжурии маршала Чжан Цзолия. Под своей рукой он имел большую армию. Ему подчинялась полиция. Полицейские захватили телефонную станцию КВЖД. Арестовывали работников и служащих железной дороги. Группы неизвестных обстреливали советские пограничные посты. Появились убитые и раненые. Правительство СССР, чтобы пресечь наглость китайской стороны, разорвало с Китаем дипломатические отношения.

\* Здесь и далее по тексту — из книги Альфреда де Виньи “Неволя и Величие солдата”. — Ленинград: Наука, 1968.

Последовал приказ командующему дальневосточными войсками маршалу В. К. Блюхеру погасить конфликт силой оружия.

Китайцы двинули двумя армиями численностью до 370 000. Сабельные эскадроны в основном состояли из бывших белогвардейцев.

В открытом бою войска РККА, численно значительно уступавшие китайцам, нанесли им ряд чувствительных ударов, после которых главнокомандующий северными провинциями запросил перемирия.

В тех боях Берзарин командовал стрелковым полком. Кстати, в соседнем полку ротой командовал будущий защитник Москвы А. П. Белобородов. А 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригадой, принимавшей участие в тех же боях, командовал будущий маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.

В декабре 1929 года советская и китайская стороны подписали протокол, по которому КВЖД вновь признавалась совместным советско-китайским предприятием.

В 1933 году Берзарина перевели в Приморскую группу войск. Штаб размещался в Ворошилов-Уссурийске. Группой командовал старый знакомый — Иван Фёдорович Федыко, бывший командир стрелковой бригады на кронштадтском льду.

Через два года он получил полк — 77-й, в 26-й стрелковой дивизии. Как отмечают биографы Н. Э. Берзарина, командуя полком, “он проявил себя отличным методистом, умелым организатором боевой и политической подготовки”.

В августе 1937 года полковник Берзарин был назначен начальником 2-го отдела штаба Приморской группы войск.

В тот год японцы ввели войска в Северный и Центральный Китай, заняли ряд провинций на территории Маньчжоу-Го и начали размещать здесь свою армию. Вскоре Квантунская армия насчитывала миллион солдат и офицеров. Это была решительная попытка островного государства расширить свои владения за счёт материкового соседа.

В июне 1938 года Берзарин вступил в командование 32-й стрелковой дивизией. Уже через месяц из штаба Особой Дальневосточной армии за подписью маршала Блюхера пришла телеграмма: 32-й стрелковой дивизии выдвигаться в район Посыетского залива, к озеру Хасан.

Накануне рота солдат Квантунской армии сбита пограничные заставы, перешла границу и захватила сопку Заозёрную. Пограничники вступили в бой. Японцы усилили свою группировку до двух пехотных дивизий и двух бригад, усилили танками и авиацией и заняли сопку Безымянная.

32-я стрелковая дивизия, совершив многокилометровый марш по ущелью Сихотэ-Алиня, силами двух передовых полков с ходу, стремительной атакой заняла сопку Заозёрная. Спустя час таким же решительным броском, сблизившись с неприятелем до расстояния броска ручной гранаты, захватили сопки Чёрную и Безымянную. Захватили большие трофеи и пленных.

Седьмого августа японцы начали интенсивно контратаковать с целью вернуть утраченные позиции. Ввели в дело элитную 19-ю пехотную дивизию, танки, артиллерию. Непрерывно наносили бомбовые удары массированными авианалётами.

К 10 августа японцы выдохлись. Атаки прекратили. Собирали убитых. 19-я пехотная дивизия потеряла убитыми и ранеными более трёх тысяч человек, много боевой техники, самолётов.

Полки Берзарина тоже стояли на месте, атаковать было нечем.

Из представления к награде командира 32-й дивизии:

“Командир 32-й стрелковой дивизии полковник Берзарин Николай, член ВКП(б) с 1926 года, в РККА с 1918 года. В боях с 5 августа по 11 августа возглавлял действия 32-й стрелковой дивизии.

Несмотря на ряд недочётов в ходе операции, командир дивизии Берзарин организацией боя и поднятием боевого духа бойцов в значительной мере повлиял на успешное выполнение боевой задачи 32-й стрелковой дивизии и содействовал полному овладению и удержанию высоты “Заозёрная”.



Не прекращал непрерывного управления боем при интенсивном обстреле командного пункта.

Достоин награждения орденом “Красное Знамя”.

Берзарин своим хасанским орденом гордился всю жизнь.

Несмотря на успех операции, события, происходившие в ходе её, обнаружили целый ряд недостатков, которые в иных обстоятельствах могли стать роковыми. Берзарин видел всё это и тяжело переживал. Жизнь офицера РККА того времени протекала в таких условиях, что поделиться своими сокровенными мыслями и переживаниями, пусть они касались сугубо служебных дел, было нельзя. Опасно.

Из приказа наркома обороны СССР маршала К. Е. Ворошилова: “Военная подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказалась на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздёрганы и небоеспособны, снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр военных действий к войне плохо подготовлен (дороги, мосты, связь)”.

Батареи, выдвинутые на огневые, оказались без снарядов. Винтовки не пристреляны. Во время тревоги некоторые бойцы оказались вовсе без винтовок. Обувь в некоторых подразделениях изношена до крайности и не вынесла марша. Командирам и штабам не хватало карт районов, где предстояло действовать их войскам.

Двадцать первого октября 1938 года арестовали Блюхера. Через полмесяца он умер в тюрьме.

После успеха у озера Хасан карьера Берзарина быстро пошла в гору.

В феврале 1939 года он назначен командиром 59-го стрелкового корпуса ОКДВА.

В июне 1940 года присвоено звание генерал-майора.

В июле 1940 года назначен заместителем командующего 1-й Краснознамённой армией Дальневосточного фронта.

Новый 1941 год принёс сразу много событий и новых назначений.

### 3

Западнее уже шли бои.

27-ю армию включили в Северо-Западный фронт. Вскоре последовал приказ — выдвигаться вперёд вплоть до соприкосновения с противником, прикрыть город Холм.

Первые же бои показали, что армия противостоит сильному и гибкому противнику, что он в совершенстве владеет тактикой современного боя, искусно маневрирует, при этом быстро увязывает вопросы взаимодействия родов войск в зависимости от обстоятельств. Где-то ударит танками, где-то — авиацией, где-то — тем и другим одновременно. Концентрирует силы на узких участках, в особенности танковые и моторизованные, взламывает оборону и молниеносно действует на охват.

27-й повезло: она не попала под каток танковых клиньев немцев в период крупных операций, когда от армий, оказавшихся на острие удара, остаются одни ошмётки. Дивизии и артполки её сохранили материальную часть и представляли большую силу. Армия получила участок обороны в районе Валдая. В конце октября 1941 года Берзарин силами до двух дивизий (33-й и 28-й стрелковых) предпринял контрудар. В ночь на 30 октября войска переправились через озеро Селигер по заранее разведанному маршруту, захватили несколько населённых пунктов и начали энергично расширять плацдарм. Противник отступил и вынужден был подтянуть резервы к цепи своих опорных пунктов.

Однако оказалась потрёпанной и она. И Берзарин на всю войну получил жестокий и незабываемый урок.

Контрудар под Старой Руссой. Август 1941 года.

Против наступавшей на Ленинград группировки группы армий “Север” Ставка бросила силы четырёх армий Северо-Западного фронта: 11-й, 34-й, 27-й и 48-й, а также семь стрелковых и кавалерийских дивизий резерва.

Они должны были ударить во фланг наступающим на Ленинград. Основная роль отводилась 34-й армии генерала К. М. Качанова. Кузьма Максимович Качанов умело командовал стрелковым корпусом 34-й армии в первые месяцы войны, в боях под Даугавпилсом и Псковом. Учитывая его успехи и опыт, командование назначило генерала Качанова на 34-ю армию. Его предшественник явно не справлялся с управлением войсками в боевой обстановке. Такое явление тогда было частым.

Ранним утром 12 августа генерал Качанов повёл свои дивизии в наступление и наскочил на встречный удар X-го немецкого корпуса. Завязались жестокие бои. 34-я армия продвинулась в глубину немецкой обороны на 40 километров и через два дня достигла железной дороги Дно—Старая Русса. Главнокомандующий ГА “Север” генерал-фельдмаршал фон Лееб, чтобы остановить наступление русских, вынужден был перебросить в этот район моторизованную дивизию СС “Мёртвая голова”, а также 3-ю моторизованную дивизию. Группировкой командовал один из лучших танковых командиров Третьего рейха Эрих фон Манштейн. К отражению советского контрудара был привлечён 8-й авиакорпус фон Рихтгофена.

Наступавшую на левом фланге 27-ю армию немцы остановили восточнее Холма. Но Берзарин, выполняя приказ комфронта, упорно продолжал атаки вперёд.

Начальник немецкого Генштаба Франц Гальдер 18 августа 1941 года записал в своём дневнике о телефонном разговоре с фон Леебом: “Он сообщил мне, что крайне озабочен положением на участке X армейского корпуса. Все солдаты выведены в первую линию. Войска переутомлены. Противник ещё продолжает оказывать давление в районе севернее Старой Руссы. Здесь для использования в первой линии остаются только сапёрные роты. Командир корпуса и командующий группой армий будут довольны, если наши части удержат занимаемые ими позиции в течение сегодняшнего дня”.

Немцы поняли, что советская группировка южнее озера Ильмень опасна, что, не разгромив её, нельзя двигаться дальше к Ленинграду. Мгновенно была подготовлена частная операция.

Буквально 19 августа корпус Манштейна, проведя необходимую перегруппировку и усилившись за счёт подошедших резервов и частей второго эшелона, нанёс мощный контрудар, который и решил судьбу 34-й армии. Немцы ударили во фланг. В авангарде шла дивизия “Мёртвая голова”. Уже 20 августа войска генерала Качанова были разрезаны на две части. Одна часть успела отойти на Ловать и уклонилась от сокрушительного удара. Другая была окружена в районе западнее Старой Руссы и уничтожена. По различным данным, в плен попало от 4000 до 10000 тысяч бойцов и командиров. Осталась в “котле” почти вся артиллерия армии, танки, склады с боеприпасами. Немцам впервые удалось захватить неповреждённую реактивную установку БМ-13 (“Катюша”) с боеприпасами.

Однако это было только началом в цепи неудач Северо-Западного фронта.

До этого Берзарину удавалось парировать удары противника. Движение вперёд прекратилось. Но удавалось удерживаться на занятых позициях. Однако в начале сентября под ударами II армейского корпуса ГА “Север” фронт 27-й армии был прорван, и Манштейн погнал в прорыв свои танки и мотопехоту. Корпус Манштейна развивал наступление на Демянск, угрожая тылам наших армий. Пал Демянск, немцы захватили станцию Лычково, повернули к Селигеру. Часть сил 27-й и 11-й армий оказалась в окружении. Впоследствии они были уничтожены. Немецкое командование объявило о пленении 35000 красноармейцев и захвате богатых трофеев: 117 танков и 254 орудий.

Начались разборки. Командующего войсками Северо-Западного фронта генерал-майора П. П. Собенникова отдали под трибунал, приговорили к пяти годам лагерей, но впоследствии приговор смягчили, ограничившись понижением в звании.

Одиннадцатого сентября в деревне Заборовье, ныне Калининского района Тверской области, разыгралась трагедия. “Во внесудебном порядке за дезорганизацию в управлении артиллерией армии и личную трусость” был

расстрелян перед строем личного состава штаба 34-й армии начальник артиллерии 34-й армии генерал-майор артиллерии В. С. Гончаров.

Как это было, рассказал один из тех, кто стоял тогда в строю, полковник В. П. Савельев: “По приказу Мехлиса работники штаба 34-й армии были выстроены в одну шеренгу. Уполномоченный Ставки быстрым, нервным шагом прошёл вдоль строя. Остановившись перед начальником артиллерии, выкрикнул: “Где пушки?” Гончаров неопределённо махнул рукой в направлении, где были окружены наши части. “Где, я вас спрашиваю?” — вновь выкрикнул Мехлис и, сделав небольшую паузу, начал стандартную фразу: “В соответствии с приказом наркома обороны СССР номер двести семьдесят...” Для исполнения “приговора” он вызвал правофлангового — рослого майора. Тот, рискуя, но не в силах преодолеть душевное волнение, отказался. Пришлось вызвать отделение солдат...”

Тов. Мехлис в историю Великой Отечественной войны вписан намертво, кровью, в основном — красноармейцев и офицеров нашей армии. Чаще всего, ликвидируя на каком-либо угрожаемом участке прорыв, он использовал излюбленный, отработанный, отработанный до совершенства приём — расстрел перед строем без суда и следствия. При этом, надо заметить, тов. Мехлис (всё же уполномоченный ГКО СССР, армейский комиссар 1-го ранга, государственный человек) понимал, что совершает преступление. Конечно, за ним стоял приказ Верховного Главнокомандующего № 270 от 16 августа 1941 года. И всё же, дабы придать своему кровавому театру вид законности, на следующий день 12 сентября 1941 года, то есть задним числом, Мехлис издал приказ № 057 по поводу “осуждения и приведения в исполнение приговора в отношении В. С. Гончарова”. Текст писал собственноручно: “...За проявленную трусость и личный уход с поля боя в тыл, за нарушение воинской дисциплины, выразившееся в прямом невыполнении приказа фронта о выводе на помощь наступающим с запада частям, за принятие мер для спасения материальной части артиллерии, за потерю воинского облика и двухдневное пьянство в период боёв командующий артиллерией 34-й армии Гончаров на основании приказа Наркома обороны № 270 расстрелян публично перед строем командиров штаба армии”.

Текст примечательный. Жаль, комментировать его нет возможности по причине ограниченности текста.

С Мехлисом Берзарин встречался ещё на Дальнем Востоке. Офицеры трепетали, когда на их участке появлялся “верный пёс” Сталина. По всей вероятности, после прорыва немецких танков на участке 27-й армии ожидали его приезда и в штабе Берзарина. К счастью, миновало.

В тот же день, когда писался приказ, арестовали генерала Качанова. 29 сентября его расстреляли. В приговоре трибунала отмечалось, что “отход произведён в беспорядке, управление войсками было утрачено, в результате чего врагу был открыт фронт и дана возможность занять часть нашей территории”.

Повезло начальнику артиллерии 245-й стрелковой дивизии полковнику В. И. Брежневу. Он вышел из окружения на участок той же калининской деревни Заборовье через несколько часов после того, как комиссия уполномоченных Ставки уехала оттуда. Тело его непосредственного командира генерала Гончарова к тому времени уже забросали сырой осенней глиной. Полковника Брежнева не тронули. Вскоре новый командующий 34-й армии генерал Берзарин назначит его командующим артиллерией армии, и он будет успешно воевать на Северо-Западном фронте. В 1945 году будет командовать артиллерией 9-й гвардейской армии, которая отличится при взятии Вены и вместе с другими соединениями добьёт в австрийских горах армию фельдмаршала Шёрнера.

Маршал К. А. Мерецков в своих мемуарах писал: “Хуже получилось с К. М. Качановым. Л. З. Мехлис доложил в Ставку о его поведении, и на этом карьера командарма окончилась. На мой взгляд, его судьба могла бы оказаться лучшей, и он ещё проявил бы себя достойным образом. В начале войны многим военачальникам не удавалось сразу наладить дело. Это не мешало им отлично действовать в дальнейшем”.

А ведь Кирилл Афанасьевич Мерецков как член комиссии уполномоченных Ставки ВГК вместе с заместителем председателя Совнаркома Н. А. Булганиным (оба будущие маршалы Советского Союза, а второй — министр обороны СССР) были в тот расстрельный день в деревне Заборовье и молчаливо наблюдали сцену исполнения приказа № 270.

*Принято думать, что у тех, кто умирает в солдатском мундире, нет ни отца, ни матери, ни жены, ни возлюбленной — никого, кто был бы сражён этим горем. Эта кровь — безвестная.*

Могилы расстрелянных неизвестны.

#### 4

Когда обстановка на левом фланге Юго-Западного фронта стабилизировалась, Берзарина вызвал командующий Калининского фронта генерал-полковник И. С. Конев. 27-я и 34-я армии перешли в подчинение управления Калининского фронта.

Конев и Берзарин, оба дальневосточники, общий язык нашли быстро. Коротко обсудили обстоятельства, в которых находилось полевое управление и войска 34-й армии после комиссии тов. Мехлиса.

— У вас, Николай Эрстович, крепкий штаб, надёжные и энергичные заместители, они вполне способны выполнять наши приказы. А вы отправляйтесь на командный пункт в тридцать четвёртую. Разберитесь. Надо, не медля, прекратить хаос и неразбериху.

Хаос и неразбериха в 34-й вскоре были прекращены твёрдой рукой Берзарина и его помощников, прибывших вместе со своим генералом. По существу, пришлось создавать новое полевое управление армии. Не хватало офицеров, специалистов. В плен попал начальник штаба генерал М. Т. Романов. Бывший командир 172-й стрелковой дивизии, отличившийся в июльских боях при обороне Могилёва, попал в плен 22 сентября. Герой Буйничского поля, которым восхищался Константин Симонов, умрёт в декабре 1941 года в офицерском лагере Хаммельсбург в Нижней Франконии.

Берзарин поочерёдно занимался делами двух армий. 27-ю, как наиболее боеспособную на левом крыле Северо-Западного фронта, Ставка реорганизовывала в 4-ю Ударную. Назначили и нового командующего — генерал-лейтенанта А. И. Ерёмко. Андрей Иванович Ерёмко был тоже из дальневосточников. Летом и осенью командовал Центральным и Брянским фронтами. Берзарина назначили на 34-ю армию. Жалко было расставаться с армией, которую уже полюбил и считал своей, с которой побывал в бою. К тому же, переходя в статус Ударной, она значительно усиливалась. Ударные армии, которые создавались в тот период на многих фронтах, предназначались для наступательных операций на важнейших направлениях. По сравнению с обычными общевойсковыми ударные имели больше танков, артиллерии, миномётов, в том числе установок БМ-13. Им придавались кавалерийские корпуса и даже танковые корпуса. Ударные армии действовали на самостоятельных операционных направлениях.

Но приказ есть приказ. 25 декабря 1941 года приказом НКО № 6048 Берзарин был утверждён в должности командующего войсками 34-й армии Северо-Западного фронта.

Наступил 1942 год. Южнее в полосе Западного и Калининского фронтов шло контрнаступление. Группа армий “Центр” оставила Тарусу, Калугу, Волоколамск, Малоярославец, Сухиничи и откатывалась к Вязьме и Ржеву. Немцы пока сохранили Юхновский и Ржевский выступы, надеясь в скором времени стабилизировать фронт, накопить сил и снова кинуться на Москву.

А здесь, на севере, Ставка готовила Демянскую наступательную операцию. 34-й армии в ней отводилась роль главного фронтового объединения в окружении и уничтожении войск противника в Демянском выступе.

Новая армия Берзарина перед атакой на Демянский выступ располагала следующими силами: пять стрелковых дивизий, противотанковый артиллерийский полк и отдельный танковый батальон. Перед началом операции из

фронтowego резерва выделили усиление. На день начала наступления 34-я армия, пополненная и усиленная резервами, при численном составе 36700 человек располагала 22 танками, 368 орудиями и миномётами (из них 105 орудий калибра 76-мм и крупнее).

Против пяти дивизий 34-й армии только в первом эшелоне стояли четыре дивизии противника. Они занимали основательно оборудованную полосу опорных пунктов с промежуточными позициями, между которыми всё просматривалось и простреливалось. Кругом лес, болота, снега по грудь, в которых застревали даже тяжёлые танки.

Берзарин, согласно плану операции, двинул вперёд правый фланг с задачей прорвать оборону на участке железной дороги Старая Русса — Валдай. Через два дня вперёд пошли дивизии левого крыла. 241-я стрелковая дивизия по льду перешла озеро Селигер, сбила противника с побережья, вышла к крупным опорным пунктам, охватила их, но взять не смогла. То же самое происходило на правом фланге. К концу января наступление заглохло в мёрзлых снегах Валдая. Ставка подбросила резервы: стрелковую дивизию, семь стрелковых бригад и три лыжных батальона. Эти силы были распределены по флангам, где шло наступление. Кроме того, на одно из направлений вперёд выдвинули стрелковый корпус фронтowego подчинения. Корпус и части 34-й армии, наступая вдоль шоссе Старая Русса — Залучье через Рамушево, к концу февраля в районе Залучье замкнули, наконец, окружение вокруг немецкой группировки. Целый месяц, до 20 марта, армия продолжала безуспешные попытки взять окружённый Демянск, дожать немецкую группировку, но ничего не вышло. Одновременно, каждая на своём участке, окружённых атаковали 11-я, 3-я Ударная, а потом и 4-я ударная армии.

Кто же сидел в Демянском “котле”?

Шесть дивизий. Весь II-й армейский корпус вместе со своим полевым управлением во главе с генералом Вальтером фон Брокдорф-Алефельдом. Около 90000 человек. В том числе моторизованная дивизия СС “Мёртвая голова”.

Гитлер категорически запретил фон Брокдорфу оставлять Демянский плацдарм. Ежедневно в “котёл” 100–150 транспортных самолётов доставляли до 250 тонн грузов. Кроме того, каждый транспорт доставлял взвод солдат подкрепления. Назад вывозили раненых, обмороженных и больных. Морозы стояли лютые.

Наши истребители редко появлялись в небе, оно безраздельно принадлежало люфтваффе. Но иногда над Демянском и Старой Руссой, над позициями противостоящих сторон вспыхивали воздушные бои. В одной из таких схваток был сбит Як-1 старшего лейтенанта Алексея Маресьева\*.

С внешней стороны группировка немецких войск под командованием генерал-лейтенанта фон Зейдлица пыталась пробить коридор к окружённому. И это ей, в конце концов, удалось.

После войны Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах, который попал в советский плен под Сталинградом через год после своего триумфа в районе Демянска, в одном из интервью признался: “Моя группа билась на протяжении месяца. Людей и техники мы потеряли порядочно. Но мне из Франции и Дании подбросили подкрепления. В ходе операции я получил тридцать шесть батарей разных калибров, сто восемьдесят одну противотанковую пушку. И ещё добавили пятьдесят миномётных батарей, тысячу четыреста сорок пулемётов и около шестидесяти танков. Число сил люфтваффе не помню. Я ударил по стыку на Рамушево и потеснил русские войска”.

Из интервью генерала Берзарина для “Красной Звезды”: “Да, битва у Демянского плацдарма была кровопролитной, но пролитая кровь — не ошибка, сделано великое дело. Мы сорвали план немцев взять Ленинград. Гитлер перебросил сюда из Западной Европы шесть дивизий на помощь группе Зейдлица. У нас элементарно не хватило сил. Но мы сковали крупные силы немцев. И немало их перемололи. А то бы они давно вышли на Неву и к устью Волги. Совесть наша чиста!”

\* В 2015 году поисковики обнаружили в труднодоступном районе озера Селигер на границе Тверской и Новгородской областей останки Як-1, на котором воевал старший лейтенант Алексей Маресьев.

Интервью Берзарин давал главному редактору “Звёздочки” Д. И. Ортенбергу, и это было ответом командующего 34-й армией на аналитическую записку Генштаба, подготовленную по итогам Демянской наступательной операции и разосланную в штабы фронтов и армий. В ней говорилось: “С поставленной задачей советские войска не справились. Не увенчались успехом и последующие попытки Северо-Западного фронта ликвидировать Демянский плацдарм противника. Это объяснялось тем, что наступление организовывалось плохо. Командование фронта действовало нерешительно, управление войсками было слабым. Удары наносились не одновременно и на узких участках фронта, весь же остальной фронт оставался пассивным. Неоднократно повторившиеся удары следовали из одного и того же района”.

И во время войны, и до сих пор бои под Демянском сравнивают со Сталинградской битвой. Похоже, Ставка учла ошибки, допущенные в период проведения Демянской наступательной операции. Войск в междуречье Дона и Волги нагнали достаточно. И для того чтобы удержаться в Сталинграде, и чтобы охватить железным кольцом 6-ю армию Паулюса, и для того чтобы отбить деблокирующий удар танков Манштейна, и для того, наконец, чтобы добавить потом окружённую группировку. В Сталинграде немцы надеялись повторить то, что им удалось в районе Демянска год назад. Сюда же прибыли и генерал фон Зейдлиц. Но Демянска в районе Сталинграда на этот раз не вышло. Деблокирующий удар танкового корпуса наши войска погасили в районе реки Мышковой. Воздушный мост в окружённую группировку обрушили наша истребительная авиация и зенитная артиллерия.

Армиям, атаковавшим позиции противника под Демянском, дать было нечего. Дивизии и бригады, танки, артиллерийские орудия и миномёты, огнестрельные припасы были брошены в топку контрнаступления под Москвой. К концу зимы всё, накопленное Ставкой, было израсходовано. Под давлением войск Западного и Калининского фронтов немцы откатились от Москвы, закрепились на заранее подготовленных позициях и предприняли ряд частных контрударов. В результате несколько армий и группировок, особенно глубоко продвинувшихся вперёд, оказались отрезанными и вскоре уничтоженными. 29-ю армию генерала Швецова зажали в Мончаловских лесах западнее Ржева. Часть войск вырвалась, вышла на позиции соседней 39-й армии Калининского фронта. Среди вышедших — группа писателей, в том числе Александр Фадеев и Борис Полевой. Западный фронт понёс значительно большие потери. Под Вязьмой в полном окружении погибла Западная группировка 33-й армии генерала Ефремова. Погиб командующий — генерал-лейтенант М. Г. Ефремов: тяжело раненный, он застрелился, чтобы не попасть в плен. Там же и та же участь постигла части 4-го воздушно-десантного корпуса генерала Левашова. Генерал А. Ф. Левашов погиб во время десантной операции. Несколько дивизий 50-й армии генерала Болдина были отсечены в районе Мосальска и уничтожены.

Итак, операцию в районе Демянска Ставка и Генштаб оценили как провальную. Погибли несколько командармов, заместителей командующих армиями, командиров дивизий, тысячи красноармейцев. Десятки тысяч попали в плен.

Осенью 1942 года на 34-ю армию назначили генерала Лопатина. Берзарина направили вначале в кадровый резерв Северо-Западного фронта. 14 октября Ставка назначила его, с понижением, на должность заместителя командующего 61-й армии. Армия стояла западнее Сухиничей и Козельска перед сильной жиздринско-брянской группировкой противника. Командовал армией генерал-лейтенант П. А. Белов.

В январе 1943 года Берзарина назначили на 20-ю армию.

Армия к тому времени прошла большой боевой путь. В 1941 году участвовала в Лепельском контрударе. Во время Смоленского сражения попала в окружение, с большими потерями вышла. В октябре во время операции “Тайфун” попала в Вяземский “котёл”, потеряла своего командующего, генерала Ершакова и члена Военного совета Семёновского. Во время контрудара под Москвой армия наступала на правом фланге Западного фронта. Участвовала в Клинско-Солнечногорской наступательной операции. В ходе

Ржевской битвы в апреле 1942 года прорвала оборону противника на реке Лама. Дивизии и бригады были основательно выбиты, однако продолжали активные боевые действия на своём фронте.

Командующие в 20-й армии менялись часто. За август-сентябрь сорок второго — четверо. Одним из них был Берзарин.

Во время очередного авианалёта Ю-87 спикировал точно на землянку КП. Из-под дымящихся брёвен и комьев мёрзлой земли вытащили тела погибших. Командарм подавал признаки жизни. Наспех перевязали. Понесли в санчасть.

Очнулся Берзарин в белой просторной комнате одного из корпусов Тимирязевской академии в Москве. Левая нога в массивном гипсе, подвешена. Подумал: хорошо, хоть цела. Потом было несколько операций. Осколки падали в эмалированный сосед, как рваная картечь.

Однажды к нему в палату шумно ввалился его дальневосточный приятель генерал А. П. Белобородов. Вспомнили КВЖД, сопки Забайкалья. Обсудили пьесу Александра Корнейчука “Фронт”, которая в те дни печаталась с продолжением в газете “Правда”. Афанасий Павлантьевич хмыкнул:

— Маршалы на Корнейчука Верховному собираются жаловаться.

— Пускай. Ты же сам понимаешь, то, что сейчас происходит на фронте, это не бои на КВЖД...

Генерал Белобородов в своих мемуарах спустя многие годы о своём боевом товарище напишет: “Мы с ним были хорошо знакомы по Дальнему Востоку, где он был заместителем командующего 1-й Отдельной Краснознамённой Дальневосточной армией. Николай Эрастович являлся типичным представителем новой плеяды командармов Великой Отечественной войны. Молодой (ему не было и сорока лет), широко эрудированный, очень волевой и решительный человек, он отлично проявил себя ещё в тяжкую пору сорок первого года”.

Вскоре начал вставать. Ходил на костылях. Как-то попросил доктора:

— Доктор, вы меня выпишите. А там, на фронте, я и с палочкой похожу. Доктор рассмеялся.

— В строй, товарищ Берзарин, непременно вернётесь, — сказал он. — Но вначале надо пройти курс послеоперационной реабилитации. Вы говорили, ваша семья сейчас в Ташкенте? Вот и поезжайте к ним.

Берзарин не знал, огорчаться решению лечащего врача или радоваться.

Санаторий для старшего офицерского состава находился в пригороде Ташкента. А совсем недалеко — центральная усадьба совхоза им. Ленина, где снимали комнату Наталья Никитична с дочерьми.

Старшая, Лариса, к тому времени окончила школу и краткосрочные курсы медицинских сестёр. Дежурила в военном госпитале. Мечтала о фронте.

Ташкентские дни были днями счастья. Семья собралась вместе. Смотрели друг другу в глаза и невольно думали о том, что скоро, очень скоро всё это закончится.

Когда у Берзарина закончился срок санаторного лечения, дочь получила в военкомате направление на фронт и стала собирать чемодан.

## 5

Пять месяцев пролетели как один день.

В августе 1943 года он прибыл в Москву, в Главное управление кадров.

Ещё в апреле вышел указ о присвоении Берзарину очередного воинского звания — генерал-лейтенант.

Теперь по заявке командующего войсками Калининского фронта его направляли на 39-ю армию.

Южнее от Белгорода до Орла гудела Курская дуга. Задвигался фронт и на северном фасе, от Брянска и Рославля до Вязьмы и Духовщины и Рудни.

В середине сентября после артподготовки части 39-й армии пошли в наступление\* и вышли к Духовщине. Оборона противника была прорвана на

\* Духовщинско-Демидовская операция 1943 года.

всю её глубину. В ночь на 19 сентября воины 17-й гвардейской дивизии 2-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Белобородова, накануне с боем переправившись через реку Царевич, ворвались в Духовщину, очистили улицы от последних эсэсовцев и подняли над этим смоленским городом красный флаг. В Москве в честь славной победы 39-й армии был дан салют.

На следующий день 4-я Ударная армия освободила Велиж.

Двадцать первого сентября 43-я армия взяла Демидов.

Духовщинско-демидовская группировка ГА “Центр” была разгромлена. Смоленская группировка оказалась охваченной с севера. Противник начал отставлять свои позиции и отходить на запад.

Двадцать девятого сентября дивизии Берзарина поставили точку — была взята Рудня. На этом войска Калининского фронта завершили Духовщинско-Демидовскую операцию 1943 года.

Дальше по фронту армий Западного и Калининского фронтов лежали Смоленск, Витебск и другие города Смоленщины и Белоруссии.

В освобождённой Духовщине тут же развернули армейский госпиталь. В нем медсестрой работала Лариса Берзарина.

В мае 1944 года Берзарина снова затребовали в Москву. И — новое назначение. На этот раз самолёт уносил его на юг, в Молдавию, в полосу действия войск 3-го Украинского фронта. Приземлились в Тирасполе. Там Берзарин принял командование 5-й Ударной армией, которая тогда занимала часть левобережной Молдавии.

В армии тогда шутили: мол, новый командующий прибыл из-под Смоленска с пополнением. Дело в том, что дочь Лариса прилетела в Тирасполь вместе с отцом. И тут же была зачислена медсестрой в полевой армейский госпиталь. Теперь она, его верный адъютант, всюду следовала за ним. Порой он подолгу смотрел на неё и думал с сожалением, что у него нет сына...

Как-то офицеры штаба показали своему командующему трофейную румынскую карту. Берзарин посмотрел на неё и невольно крикнул. “Великая Румыния” на ней захватывала Одесскую область и всю Молдавию. Это были провинции Транснистрии.

Перед порядками 5-й Ударной армии за Днестром стояла 6-я полевая армия второго формирования. В неё входили три немецких корпуса и один румынский. Армия “мстителей за Сталинград”, сформированная из родственников тех, кто погиб в междуречье Волги и Дона. Наблюдатели смотрели в бинокли и стереотрубы на правый берег Днестра, следили за передвижением в окопах противника и думали: здорово же им врезали под Сталинградом, раз столько родственников набралось...

Два корпуса 5-й Ударной армии держали оборону протяжённостью 135 километров. 32-й стрелковый генерала Жеребина и 26-й гвардейский стрелковый корпус генерала Фирсова были растянуты тонкой ниточкой по всему фронту и, пользуясь затишьем, занимались боевой учёбой.

Всю войну Берзарин старался окружить себя дальневосточниками. Храбрые, надёжные воины, превосходные управленцы, не боящиеся никаких трудностей. Именно таким был генерал-майор Дмитрий Сергеевич Жеребин. Выпускник Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева. Молодым инженер-сапёром в звании капитана он прибыл в Приморскую группу. Участвовал в боях на озере Хасан. Это он с группой бойцов после кровопролитного боя поднял красный флаг над сопкой Заозёрная.

Перед новым наступлением Военный совет армии принял решение усилить боевую учёбу. Провели пятидневные сборы командиров батальонов, батарей и рот. Офицеры переднего края слушали доклады на следующие темы: “Об офицерской чести”, “О ротном хозяйстве”, “Об использовании огневых средств роты в наступательном бою”, “Командир — единоначальник и политический воспитатель своих подчинённых”, “О политической работе в подразделениях”. Беседы проводили офицеры штаба, член Военного совета армии Ф. Е. Боков и сам командующий.

В эти дни, кроме всего прочего, он решил побывать во всех дивизиях и полках, в отдельных частях, батальонах и батареях, приданных армии. Его днестровская инспекция запомнилась многим солдатам и офицерам. О ней



потом упоминали в своих мемуарах многие бывшие комбаты, командиры полков и дивизий 5-й Ударной армии. До него дошли неприятные разговоры о подполковнике Романовском — командире одного из полков 26-го гвардейского стрелкового корпуса. Романовский прибыл в полк недавно, когда войска уже стояли по Днестру. Кто-то в верхах решил полечить “болезнь” подполковника фронтом. Берзарин затребовал его личное дело. В нём нашёл документ с резолюцией маршала Г. К. Жукова: “Тысячи советских людей ему доверять нельзя. Направить на хозяйственную работу”. Но “хозяйственника”, как оказалось, прислали в гвардейский корпус.

Берзарин прибыл в полк. Было ещё утро, а подполковник уже “на бровях”. Состоялся разговор с глазу на глаз. “Вот что, товарищ Романовский, — подытожил командующий. — Полк я вам доверить не могу. Завтра людей в бой вести, а вы, простите, не просыхаете... А на хозяйственной работе вы и вовсе погибнете. У вас уже штабная изба, как соляной амбар йодом, цуйкой\* пропиталась...” Подполковник Романовский согласился на лечение. Берзарин приказал выписать ему направление в Одессу, к профессору Шевелёву\*\*.

## 6

После удара в Белоруссии (летняя, 1944 года, операция “Багратион” против ГА “Центр”) Красная армия, накопив силы и средства, готовилась к наступлению на юге. Штабы 2-го и 3-го Украинских фронтов и Черноморский флот подготовили масштабную операцию с целью охвата и уничтожения ГА “Южная Украина”. Пример двух основных ударов, увенчавшихся триумфальным успехом для войск 1-го Белорусского фронта (маршал К. К. Рокоссовский) в ходе операции “Багратион”, явно требовал повторения. Каждый из фронтов готовил свой прорыв.

Яско-Кишинёвская наступательная операция началась 20 августа. Артиллерия фронтов и Черноморский флот совместно с кораблями Дунайской военной флотилии *провели артиллерийское наступление*. Это была уже не просто артподготовка. Артиллерийский удар вначале пришёлся на передовую линию немецко-румынской обороны, основательно перепачкал её, захватив районы сосредоточения бронетехники, артиллерии и живой силы, а затем, когда наша пехота, танки и самоходки пошли вперёд, двойным огнём валом сопровождал атаку. Наступление велось из двух районов: с Кицканско-го плацдарма и из района западнее Ясс.

Бывший артиллерист 4-го гвардейского воздушно-десантного полка Иван Митрофанович Новохацкий вспоминал: “Когда мы двинулись вперёд, то на глубину примерно десять километров местность была чёрной. Оборона противника практически была уничтожена. Вражеские траншеи, вырытые в полный рост, превратились в мелкие канавы, глубиной не более чем по колено. Блиндажи были разрушены. Иногда попадались чудом уцелевшие блиндажи, но находившиеся в них солдаты противника были мертвы, хотя не видно было следов ранений. Смерть наступила от высокого давления воздуха после разрывов снарядов и удушья”.

Наши ударные группировки сразу же разорвали немецкую оборону, в прорыв прошли танковые и механизированные корпуса, развивая наступление.

Пятая Ударная стояла на месте. Сильная, основательно пополненная маршевыми батальонами, в достатке обеспеченная стрелковым оружием и тяжёлым вооружением, усиленная артополками и танковыми бригадами. В штабах корпусов, дивизий и на передовых НП батальонов нервничали,

\* Цуйка — румынский фруктовый самогон.

\*\* Шевелёв Евгений Александрович (1878–1954) — профессор медицины, невролог, психиатр, психолог и физиолог. Ученик и сподвижник В. М. Бехтерева. Главный врач психоневрологической больницы №1 в г. Одессе в 40-е годы XX века. Спас жизнь и вернул здоровье многим своим пациентам. Международная гуманистическая организация присвоила ему звание “Праведник народов мира”. Оставаясь в оккупированной Одессе, сохранил свою лечебницу и продолжал практику.

прислушиваясь к гулу наступления, которое шло в десятках километров справа и слева.

В конце июля комфронта собрал командующих армиями и командиров корпусов. Берзарин на совещании был напряжён. В предстоящей операции его сильной армии явно отводилась не та роль, на которую была способна 5-я Ударная. Когда слово предоставили командармам, он это напрямую и высказал. Маршал С. С. Бирюзов, в то время начальник штаба фронта, вспоминал: “Вот вышел к карте командующий 5-й Ударной армией Н. Э. Берзарин. Молодой, темпераментный, широко мыслящий. Докладывает ясно. Но по всему видно, страшно недоволен тем, что не его 5-я Ударная (ударная!) армия наносит главный удар. Заканчивая доклад, с нескрываемой горечью обратился к Толбухину Фёдору Ивановичу:

— Товарищ командующий, армия растягивает свой фронт, как гармошку. Всего получается 135 километров! Тут не только наступать — обороняться трудно.

Толбухин с улыбкой поглядел на Берзарина и приложил руку к груди: сочувствую, мол, но помочь ничем не могу...”

На остриё удара направлялась 37-я армия генерала М. Н. Шарохина. Не мог тогда, в целях сохранения секретности, комфронта сказать ему о запланированной роли 5-й Ударной. Что точка всей операции будет поставлена в Кишинёве.

Трое суток армия Берзарина стояла на своих позициях, и лишь 23 августа, когда кишинёвская группировка противника начала отход к реке Прут, ей дали отмашку из штаба 3-го Украинского фронта: “Вперёд!”

Пружина разжалась мгновенно, как спусковой механизм винтовки. Бросок 5-й Ударной армии на Кишинёв оказался таким стремительным, что “мстители за Сталинград” не успевали уносить ноги. Ударная группа прорвала оборону 6-й армии у Ореева, после чего, уже не встречая сколько-нибудь чувствительного сопротивления, основные силы стали быстро продвигаться вперёд.

В авангарде наступающих шёл штурмовой батальон капитана Алексея Бельского. Бельский со своими молодцами буквально бегом гнал перед собой “мстителей”. К исходу дня батальон прошёл около пятидесяти километров и завязал бой на окраине Кишинёва. После скоротечного боя на реке Бык гвардейцы смяли защитников опорного пункта и вошли в город. К утру столица Молдавии была очищена от противника. Батальон капитана Бельского зачистил центр города и водрузил красный флаг на руинах здания на перекрёстке улиц Ленина и Гоголя.

Перед наступлением на Кишинёв командарм напутствовал своих солдат и офицеров: “Мы идём по следам армии Суворова! Вперёд!”

Солдаты выполнили приказ генерала.

В донесении 24.08.44 года штаба 5-й Ударной армии Военному совету 3-го Украинского фронта говорилось:

“Войска 5 Ударной армии в ночь на 23.8.44 года прорвали оборону противника и, стремительно продвигаясь вперёд, в 17:00 23.8.44 года ворвались в столицу Молдавской ССР город КИШИНЁВ и штурмом к 24.8.44 года овладели им.

За 23.8.44 года части и соединения 5 Ударной армии с боями прошли свыше 40 километров, освободив при этом более 200 населённых пунктов.

В боях за овладение городом КИШИНЁВ отличились войска Гвардии Генерал-майора ФИРСОВА, Гвардии Генерал-майора ЖЕРЕБИНА, Гвардии Генерал-майора СЕРЮГИНА, Гвардии Генерал-майора СЫЗРАНОВА, Полковника ФОМИЧЕНКО.

Артиллеристы: Генерал-майора КОСЕНКО, Подполковника КЛИМЕНКОВА, Полковника ПАВЛЮБА, Подполковника ДМИТРИЕВА, Гвардии Подполковника РАХНИНА, Подполковника КОТОВА, огнемётчики Подполковника ЛИЗУНОВА.

Сапёры: Подполковника ФУРСА, Полковника ЧЕВЫЧЕЛОВА”\*.

\* ЦАМО РФ. Ф. 243. Оп. 2912. Д. 97. Л. 408.

К исходу 23 августа войска 3-го Украинского фронта перехватили пути отхода 6-й армии. На следующий день они соединились с передовыми частями 2-го Украинского фронта. Всё. Железный обруч вокруг кишинёвской группировки замкнулся и был надёжно склёпан усилиями танковых бригад и стрелковых дивизий. В окружении оказались части пяти армейских корпусов противника.

Командующий войсками 3-го Украинского фронта генерал Толбухин 26 августа через парламентёров и по радио предложил окружённым во избежание лишних жертв сложить оружие. Предложение о капитуляции было отклонено. 27 августа Красная армия возобновила боевые действия. В какой-то момент десятитысячной группировке немцев удалось захватить переправы через Прут и вырваться на западный берег Прута с дальнейшей целью пробиться к Карпатским перевалам. Её настигли посланные наперехват стрелковые дивизии 7-й гвардейской армии и бригады 23-го танкового корпуса. 28 августа они уничтожили эту группировку.

Яско-Кишинёвская операция закончилась полным разгромом основных сил ГА “Южная Украина”. Советским войскам открылся путь для дальнейшего наступления. Румыния вышла из союза с Германией и вскоре повернула винтовки против бывших своих союзников.

Яско-кишинёвские дни стали первым триумфом генерала Берзарина как командующего армией.

Из приказа по армии: “В боях за овладение городом Кишинёвом бойцы, сержанты, офицеры и генералы показали возросшее воинское мастерство, боевую выучку и героизм, мужество и отвагу.

Верховный главнокомандующий И. В. Сталин высоко оценил наши боевые действия и объявил всему личному составу армии благодарность. Столица нашей Родины Москва салютовала двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из 324 орудий...”

В те дни ордена и медали сыпанули на 5-ю Ударную золотым и серебряным дождём. Только в 94-й стрелковой дивизии, которая отличилась в штурме Кишинёва, было награждено 1620 бойцов и командиров.

После освобождения Кишинёва в городе состоялся торжественный митинг. Армейская газета “Советский боец” писала: “Несмотря на пережитое, жителям Кишинёва хотелось отметить событие. Все улицы были заполнены людьми. Старые люди, подростки, дети, мужчины и женщины устремились в центр города, к площади Победы. Там уже войска, приготовившиеся к парадному шествию. Там гремит оркестр, там возведена трибуна, на которой — представители власти, генералы и офицеры, освободившие город. Ликование трудящихся города невозможно описать, когда они увидели поднявшегося на трибуну генерал-лейтенанта Николая Эрстовича Берзарина. Делегация горожан преподнесла командарму хлеб-соль. Он выступил перед собравшимися с взволнованной речью.

Перед трибуной по площади торжественным маршем прошли войска. Вид участников победного шествия был молодцеватым. Только тёмные тени под глазами у бойцов и офицеров напоминали о том, что эти люди всего сутки назад были в пекле боя. Они, атакуя, бежали и падали, они стреляли и бросали гранаты, дрались с фашистами в рукопашных схватках. Они выносили с поля боя своих раненых товарищей. И вот теперь, вымывшись и почистившись, они встали в парадный строй. Люди видели: таких воинов победить нельзя. Они справятся с любым врагом. Глядя на своих освободителей, горожане чувствовали, что окончательная победа близка. И потому последние слова речи командарма покрылись возгласами “Ура!”

Представитель Ставки маршал А. В. Василевский в те дни, пожимая руку Берзарину, с восхищением сказал:

— На этом направлении так быстро не наступал никто!

Ещё по Дальнему Востоку Берзарин знал: следом за восторгом триумфа идёт полоса тревог и бед. Перетолковывание старых сказок. Сочинение легенд. Обиды оказавшихся за бортом событий, обделённых славой и орденами.

*Итак, за меня будут чаще говорить другие, если не считать тех случаев, когда мне придётся призывать себя в качестве свидетеля. Мне всегда как-то претило выступать перед публикой: в такие минуты меня вдруг охватывал стыд. Когда же это случится, я, разумеется, смогу говорить одну только правду. Когда речь идёт о себе, лучшей музой является Откровенность. Я не хочу, да и не умею рядиться в павлиньи перья. Как они ни красивы, каждому человеку, думается мне, надобно предпочесть им своё собственное оперение...*

В эти дни при встрече в штабе фронта с генералами, командующими соседних армий, Берзарин заметил холодноватость и отчуждённость. Командармы смотрели то мимо него, то издали поглядывали через плечо и ухмылялись. Однажды услышал насмешливое: “Берзарин-Задунайский...”

Не зря при встрече Г. К. Жуков со своей солдатской прямоотой, без всякой задней мысли, предупредил: “Ты, Николай Эрастович, конечно, герой. Жми и дальше в том же духе. Но смотри, не зазнавайся. Этого у нас не любят. Через ГУК сожрут. А то и похуже...”

Он знал, что и отсюда, с фронта, особо бдительные строчат наверх “сигналы”. Что ж, надо было пережить и это.

В какой-то мере Берзарин в эти дни оказался в тех же обстоятельствах, в которых в мае 1945 года окажется покоритель Берлина маршал Г. К. Жуков. Там тоже “доброжелателей” будет пруд пруди.

Может быть, к счастью, в те дни он почувствовал недомогание — начало трясоти. Особенно на солнце. Дочь осмотрела его и сразу определила: малярия.

Малярия тогда валила его армию полками.

Когда ещё стояли перед Кишинёвом, в Ганчештах ему доложили по команде: в некоторых батальонах людей трясёт, тошнит, иногда при высокой температуре. Стали давать бойцам и офицерам акрихин. Медсёстры и санитары консультировали больных: нельзя находиться на солнце, воздержаться от купания в открытых водоёмах, не ночевать в сырых землянках... Основные разносчики малярии — комары. Попробуй, спасись от них.

Эпидемия есть эпидемия. Медработников не хватало. И вот в одном арtpолку, по воспоминаниям ветеранов 5-й Ударной армии, “нашёлся умник, из астраханцев, который внушил, что акрихин полезно запивать не водой, а цуйкой...”

## 7

Малярия осталась позади. Ногу тоже подлечили. Но ходил всё же с палочкой.

В сентябре 1944 года последовал приказ Ставки: 5-ю Ударную армию отвести в тыл. Дивизии покидали Бессарабию, выдвигались в район станции Раздельной и там грузились в эшелоны. 7 сентября первые составы двинулись на северо-запад. Офицеры знали конечный пункт переброски — Вольнь.

Расположились в окрестностях Ковеля, только что освобождённого нашими войсками. Началась боевая учёба. Войска осваивали приёмы и способы форсирования водных преград, действия в условиях малых и больших городов. Осваивали новые образцы оружия и боеприпасов. Военные конструкторы и промышленность всю войну усиленно работали над усовершенствованием стрелкового оружия, артиллерийских орудий, танков, боеприпасов к ним, а также другого снаряжения, необходимого солдату в бою и повседневной жизни на фронте.

В это время в войска стали поступать самоходные артиллерийские установки. У пехоты был праздник, когда на фронт стали поступать первые САУ. Особенно СУ-76.

По сути дела это была 76-мм дивизионная пушка ЗИС-3, поставленная на лафет лёгкого танка Т-70. Получилась самоходная пушка, защищённая бронёй. Лёгкая, маневренная. Механик-водитель и расчёт. Предназначалась для действия в боевых порядках пехоты. Достаточно прочная броня и калибр орудия позволяли на равных тягаться с лёгкими и средними танками противника.

Но “пантеры” и “тигры” были ей не по зубам. Хотя были случаи, когда СУ-76 выходили победителями из поединков с тяжёлыми немецкими танками. Открытая рубка позволяла расчёту мгновенно реагировать на изменения, происходящие на поле боя, получать задачи от пехотных командиров на уничтожение огневых точек противника. СУ-76 помогала пехоте разрушать и подавлять инженерные сооружения опорных пунктов, прикрывала и усиливала огнём и гусеницами атаку нашей пехоты. Могла перевозить десант. Относительная лёгкость новой боевой машины позволяла ей двигаться по бездорожью в лесисто-болотистой местности, по гатям и сравнительно лёгким мостам.

Когда первые самоходки поступили в армию, Берзарин собрал совещание командиров полков и батальонов и поставил задачу: отработать приёмы взаимодействия в бою пехотных взводов и рот с новыми боевыми машинами в условиях плотных городских застроек и открытого поля.

Впереди была Германия. Солдатское сердце подсказывало Берзарину, что всё закончится в большом городе, и лучше бы в Берлине...

В лесах, на лесных дорогах, да и в дальних деревнях и на хуторах в предгорьях Карпат Ровенской и Винницкой областей, где стояли части армии, готовясь к предстоящим боям, было беспокойно. Повсюду действовали отряды боевиков ОУН, бандеровцы различных мастей, бывшие полицейские, сотрудники зондер-команд, бежавшие от Красной армии. Сотрудники СМЕРШа, подразделения войск НКВД, отряды местной милиции прочёсывали окрестности в поисках схронов. Иногда, когда своих сил не хватало, к операциям привлекали подразделения 5-й Ударной армии. Это были в основном разведчики и бойцы из бывших партизан, призванные полевыми военкоматами в недавно освобождённых областях.

Летом, во время Львовско-Сандомирской операции войска 1-го Украинского фронта маршала И. С. Конева разбили наголову многие формирования, основу которых составляли украинские националисты, в том числе 14-ю гренадёрскую дивизию СС “Галичина”. Произошло это в середине июля под Бродами в секторе действий 38-й армии генерала Москаленко. Вот и разбежались по лесам и хуторам бывшие легионеры, роттенфюреры и унтершарфюреры. Бежавших от советской власти и её идейных врагов руководители и функционеры ОУН и УПА энергично сбивали в боевые подразделения для противодействия Красной армии. Сотни (роты), курени (батальоны), чоты (взводы) и рои (отделения) были распределены по всему Прикарпатья и Вольни. Сформированные из разного отребья, в том числе бежавших от красноармейского штыка из внутренних областей России, эти чоты и курени начали настоящую войну против советских войск. Перехватывали обозы, хватали одиночек, нападали на санчасти, военные госпитали и небольшие гарнизоны. Женщин, как правило, уводили в лес, а красноармейцев убивали. В 1944 году Красная армия понесла от бандитских нападений следующие потери: “убитыми и повешенными” — 187 офицеров и 1880 солдат и сержантов; ранеными — 74 офицера и 1770 солдат и сержантов; “пропавшими без вести и уведёнными в лес” — 31 офицера и 402 солдата и сержанта.

Бандеровские схроны, отдалённые хутора в западных областях Украины стали идеальными местами для отсидки и действий оставленных Абвером агентов — диверсантов и разведчиков. Десятки раций в назначенный час передавали в эфир шифровки. Их принимали на той стороне. Врагу становилась известной самая разнообразная информация о наших войсках: передвижение армейских эшелонов, колонн боевой техники, вооружение частей, направляющихся к фронту, их состав, количество, настроение, содержание разговоров командиров, политработников и солдат.

К сожалению, власти недооценили степень той опасности, которую закладывали тогда националистические организации Западной Украины. Малочисленные группы и отряды НКВД не справлялись с обстоятельствами, а зачастую и сами оказывались жертвами бандеровцев.

Однажды Берзарина срочно вызвали в штаб фронта в Ровно. Штабную группу, кроме личной охраны командарма, сопровождал взвод солдат НКВД майора Аликина. Колонна штабных машин возвращалась, как тогда было принято, другим маршрутом. Он проходил недалеко от того злосчастного

места, где полгода назад был тяжело ранен генерал Ватутин. Последний раз он разговаривал с Николаем Фёдоровичем на передовом НП у Демянска в мае 1942 года.

В дороге Берзарин вспомнил ту встречу, разговор.

— Может, всё же заедем? — предложил Берзарин.

— В данное время — опасно, — сказал майор Аликин.

*Венец война — терновый венец, и среди его колючих терний нет, как мне кажется, ни одного, которое бы заставляло человека страдать сильнее, нежели слепое повиновение...*

Войска 5-й Ударной армии перешли на зимнее обмундирование. Противотанковые дивизионы получили новенькие 57-мм противотанковые пушки с великолепными прицелами. Эти орудия способны были останавливать немецкие “тигры” и “фердинанды”. Стрелковые роты довели до штатной численности — 120 человек. В полках провели тактические учения на тему: “Атака и наступление усиленного стрелкового батальона в глубине обороны противника”. В рядах атакующих двигались новенькие СУ-76. Позиции занимали новенькие 57-мм противотанковые орудия.

В середине октября дивизии начали покидать Вольнь и Ровенщину. Армию перебрасывали на северо-запад, в Польшу. Она занимала позиции в центре построения 1-го Белорусского фронта юго-восточнее Варшавы на Магнушевском плацдарме. Через всю юго-восточную Польшу растянулись колонны 5-й Ударной. И снова командарм попал на языки остроловов: мол, Берзарин наступает, как Александр Македонский, — тылы перебрасывает караванами верблюдов...

Верблюды в обозах некоторых дивизий армии — это правда. Их дали вместо лошадей ещё на Днестре. Пригнали из калмыцких степей. Выносливые, надёжные животные. Погонщики навьючивали на них десятки ящиков с боеприпасами и перевозили на дальние расстояния по лесам и болотам. Что и говорить, Александр Македонский был мудрым воином...

## 8

Висло-Одерская операция в масштабах Второй мировой войны, по сути дела, решила проблему Берлина. Она началась 12 января 1945 года. Войска четырёх фронтов — 1-го Белорусского (маршал Г. К. Жуков) и 1-го Украинского (маршал И. С. Конев), 3-го Белорусского (генерал армии И. Д. Черняховский) и 2-го Белорусского (маршал К. К. Рокоссовский) — после тщательной подготовки, накопив мощнейший боевой ресурс, нанесли “удар невиданной силы”, разгромили немецкую группировку в Польше, освободили десятки польских городов и очистили от немцев огромную территорию. К началу февраля Красная армия приостановила наступление в 60–70 километрах от Берлина.

Многое в этой масштабной операции решили первые часы — артиллерийское наступление. На участках прорыва плотность артиллерии составляла 250–300 стволов на один километр. Как отмечают историки, “эффект от удара превзошёл все ожидания”. Немцы совершили роковую ошибку: они подвели свои резервы близко к порядкам первой линии, и те оказались в зоне поражения губительного огня артиллерии. Немецкий генерал и историк фон Меллентин писал: “Русское наступление за Вислой развивалось с невиданной силой и стремительностью. Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи”.

На пятый день атаки войска маршала Жукова освободили Варшаву, окружили крупную группировку (до 60000 солдат и офицеров) в городе-крепости Познань. Части маршала Конева овладели Краковом, предотвратив разрушение древнего города отступающим противником, охватили город-крепость Бреслау с крупным гарнизоном и намертво блокировали его. Фронты продвинулись вперёд до 500 километров, сломив семь рубежей обороны ГА “А”.

Темп наступления составил 25 километров в сутки, у танковых и механизированных частей — до 70 километров. Наши войска уничтожили 35 дивизий. Захватили в плен до 150000 солдат и офицеров противника. К началу февраля Красная армия вышла к Одеру и с ходу захватила на западном берегу на берлинском направлении цепочку плацдармов.

Вскоре они, те плацдармы, и решат судьбу последнего штурма Третьего рейха.

Армия Берзарина атаковала прямо по фронту с Магнушевского плацдарма. Справа — 61-я армия генерала Белова. Слева — 8-я гвардейская армия Чуйкова. В первый же день её ударные группы разметали немецкую оборону на участке Выборув—Стшижка.

Вот что вспоминал о наступлении с Магнушевского плацдарма бывший офицер штаба 899-го стрелкового полка 9-го стрелкового корпуса, впоследствии писатель и биограф генерала Берзарина В. Е. Скоробогатов: “В четыре утра батальоны подняли по сигналу “Тревога!” Людей накормили завтраком, выдали на сутки сухой паёк. Стрелков снабдили патронами и гранатами. Эта деловая суета продолжалась до шести утра. По окопам пробежал полковой почтальон, солдат Фесенко, раздавал листочки с воззванием Военного совета 1-го Белорусского фронта. Достался такой листочек и мне. Приведу цитаты из этого волнующего документа, адресованного бойцам, сержантам, офицерам и генералам войск:

“Боевые друзья! Настал великий час! Пришло время нанести врагу последний сокрушительный удар и осуществить историческую задачу, поставленную Родиной, — добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя победы...”

“Мы идём в Германию после Сталинграда и Украины, после Белоруссии, через пепел наших городов и сёл. Горе государству мракобесов! Ничто теперь не остановит нас!”

“Нам не впервые бить врага. Войска нашего фронта били его смертным боем под Сталинградом и под Курском, на Днестре и на Нарве. Мы били его и тогда, когда он шёл на нас со своими подручными. Теперь гитлеровские прихвостни, жестоко проученные Красной армией, поворачивают оружие против фашистской Германии. Мы били врага и тогда, когда сражались против полчищ захватчиков одни, а теперь вместе с нами его бьют американцы и англичане, французы и бельгийцы. На этот раз мы добьём врага окончательно”.

На нашем участке немцы, узнав о прорывах на флангах, стали с боем отходить, избегая контакта с наступающей пехотой. Вступали в бой только подразделения прикрытия.

Всё пришло в движение. Вокруг нас простиралась чуть-чуть всхолмленная равнина, поросшая ёлочками и сосняком. Ночью в воздухе кружились снежинки, а сейчас воздух был чист, стоял лёгкий морозец, градусов до пяти. Подразделения сначала двигались по пространству врассыпную, но некоторые из них постепенно стали сворачиваться в колонны и выходить на просёлки и к грейдеру, в направлении селения Нова Гура.

...Не говоря уже о командирах полков и дивизий, большинство высших чинов корпусов, армий находились с нами, непосредственно в зоне боевых действий. С ними небольшими группами передвигались на разных видах транспорта и штабные офицеры. Таким способом оперативные группы офицеров во главе с генералами осуществляли управление войсками”.

В первый день наступления комфронта маршал Г. К. Жуков находился в одной из колонн наступающей 5-й Ударной армии. Вместе с войсками — вперёд. Передвигался то на штабном вездеходе, то пешком. Берзарин, опираясь на палку, шёл рядом. Жуков часто связывался со штабами армий. Разговаривал то с Чуйковым, то с генералом Перхоровичем — его 47-я армия наступала на правом фланге фронта и охватывала Варшаву с севера, — то с 33-й, с генералом Цветаевым. 33-я совместно с 69-й и 7-м гвардейским кавкорпусом осуществляла вспомогательный удар с Пулавского плацдарма. Судя по настроению маршала, по тому, как он сбивал на затылок папаху, дела шли хорошо. Однако по привычке накручивать своих подчинённых он поторапливал командармов.

Из воспоминаний В. Е. Скоробогатова: “В первый день наступления с Магнушевского плацдарма маршал Жуков находился фактически в боевых порядках в нашем 9-м корпусе. Мы в этом убедились.

Убедились потому, что произошло дорожное ЧП. По грейдеру, проложенному здесь через небольшое болотце, двигался наш стрелковый полк и ещё врезались какие-то грузовики, орудия, обозы. И вдруг возник затор, потому что у какого-то шофёра впереди, как говорится, “по закону подлости”, заглох мотор. Транспорт напирал друг на друга, и движение прекратилось. Люди суетились, офицеры бегали, отдавая какие-то команды, бегал и я в том числе, а сдвига не получалось. Вдали заскрежетал немецкий шестиствольный миномёт.

Я по кочкам, через болотце, отбежал в сторону и остолбенел. Правее, совсем недалеко, виден был изрытый ямами бугор и на нём — курган. В неглубокой траншее — группа высших чинов. Они были узнаваемы — Жуков, Берзарин, авиаторы, танкисты.

Маршал, увидев безобразие на грейдере, оставил свой окопчик и широким шагом направился к скоплению паниковавших людей и техники.

И мгновенно, как молния, над столпотворением раздалась возгласы: “Жуков! Жуков! Жуков!”

И тут по грейдеру прошло что-то вроде судороги. Сотни рук схватились за свою технику, за транспортные средства. Десятки рук вцепились в борта и скаты злосчастного повреждённого “студебеккера”. Неисправная машина вместе с какими-то ящиками полетела с насыпи в болото. Колонна мгновенно стала выправляться и силой солдатских мускулов, конской энергией, загремевших моторов начала принимать привычную форму: тягачи, обозы, пушки резко сдвинулись, и вся эта масса ринулась вперёд.

Я увидел лицо маршала. Комфронта пошёл к кургану. Там были Берзарин, Косенко, Куцев, Боков, другие генералы; один из них — авиатор. Держа в руке микрофон, лётчик-генерал отдавал команды своим эскадрильям, видневшимся в небе”.

Что для наступающего полка, а тем более фронта, какой-то грузовик? Будь он нагружен боеприпасами или продовольствием, за который старшина роты, когда узнает, что случилось с недельным пайком роты, голову оторвёт... Вот так и судьба одного солдата, а в иных обстоятельствах и целого полка — ничто, дорожный эпизод на пути к Берлину...

Полки шли вперёд. То колоннами, то рассыпавшись побатальонно и поротно перед опорными пунктами, которые встречали наступающих огнём. Сбивали немецкую оборону и двигались дальше.

Вскоре вышли к гряде холмов, опоясанных линиями ходов сообщения и противотанковых бетонных надолбов.

— “Зубы дракона”, — пояснил кто-то из штабных офицеров.

“Виллис” командарма и штабной бронетранспортёр остановились.

Перед “зубами дракона” стояли огнемётные танки. Видно, спешили помочь пехоте выкуривать из бункеров и блиндажей защитников укрепрайона. Но те ушли заблаговременно, оставили позиции, не дожидаясь подхода частей 5-й Ударной армии.

Берзарин вышел из “виллиса”. Прочитал надпись на серой стене каземата — чёрной краской аршинными буквами, по-русски: “Смерть разбойникам Жукова!” И сказал:

— “Зубы дракона” мертвы. Они не изрыгают огня. Видно, не нашлось для этих казематов в Третьем рейхе зуавов-смертников.

— Да, — покачал головой генерал Боков, — дело сделали большое, а не воспользовались.

Кто-то из офицеров сказал:

— Видать, наших пленных немало здесь зарыли...

Помолчали.

Берзарин снова окинул взглядом линию бетонных “зубов” и подытожил:

— Вся-то суть дела, Александр Михайлович, — обратился Берзарин к своему начальнику штаба, — вот таких грозных “зубов” заключается в человеке,



а не в бетоне. Солдат порой в бетонном бункере, за метровыми стенами, боя не выдерживает, а порой в простом окопе его не взять...

У Берзарина великолепный штаб.

Начштаба — генерал Александр Михайлович Куцев. Спокойный, порой производит впечатление человека флегматичного, замкнутого. Берзарин знал: эта черта характера приобретённая. И дело вот в чём.

До рокового 1939 года Куцев успел окончить курсы двух академий: в 1932 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе, в 1938 году — Академию Генштаба. Службу начинал ещё Русской императорской армии. Воевал в Первую мировую в чине унтер-офицера. В 1917 году добровольно вступил в Красную гвардию. Через два года уже командовал артиллерийским дивизионом. В тридцать восьмом, после окончания Академии Генштаба его направили на Дальний Восток. Получил назначение на штаб 57-го особого стрелкового корпуса. Корпус под командованием комкора Г. К. Жукова вскоре отличился в сражении на реке Халхин-Гол. В период боёв в штабе пропал единственный экземпляр оперативной карты. Начштаба отвечает за всё. Куцева арестовали, обвинили в передаче оперативной карты японцам. Следователи старались так, что комбриг наговорил на себя Бог знает что. Потом, при передаче дела в прокуратуру, от своих показаний отказался. Но это не помогло. Обвинялся в том, что ещё в 1935 году “завербован японской разведкой и проводил подрывную предательскую работу в период боёв в 1939 году в районе реки Халхон-Гол”. В ноябре Военная Коллегия Верховного суда СССР вынесла приговор по ст. 58-16 УК РСФСР — 20 лет без права переписки с поражением в правах, конфискацией имущества и лишением воинского звания “комбриг”. Отбывал в Устьвымлаге. Там получил ещё “пятёрку”. В июне 1943 года, когда железным огнём горела Курская дуга, по ходатайству и под поручительство Г. К. Жукова освобождён из заключения досрочно, восстановлен в РККА с понижением в воинском звании до полковника. В сентябре 1944 года получил звание “генерал-майор”. Все, знавшие его историю, знали и роль Мехлиса в его аресте и жестоком приговоре, равносильном смертной казни. Дело в том, что, когда Жуков, вопреки уставу, бросил в бой танковую бригаду без прикрытия пехоты на позиции японцев, из корпуса тут же по каналам особой связи в Москву сигнализировали о “проступке” волевого комкора. И в район боевых действий тут же по поручению Л. П. Берии вылетел начальник Главного политуправления РККА комиссар 1-го ранга тов. Мехлис. Вот тогда-то в корпусе и начались аресты “шпионов” и “врагов народа”.

Г. К. Жуков чувствовал и свою вину перед Куцевым. Там, на Халхин-Голе, когда за комбригом пришли офицеры НКВД, он пытался вступиться за своего начальника штаба, но ничего не вышло. Если бы карта вдруг нашлась... А то ведь сверхсекретный документ пропал. Где он? Все тогда в штабе стояли на ухах. Возможно, был недостаточно настойчив, убеждая работников спецслужб в добросовестности Куцева. Теперь, как бы между прочим поинтересовавшись у Берзарина работой начальника штаба и услышав в адрес дальневосточника похвалы, маршал старался опекать своего бывшего комбрига. После ряда удачно разработанных и блестяще проведённых армией армейских и фронтовых операций он настоял на представлении скромного — всегда в тени — Александра Михайловича к званию Героя Советского Союза. Этого высокого звания генерал Куцев был вполне достоин. Но Жуков смотрел дальше: судимость с Куцева, несмотря на его фронтовые заслуги, была ещё не снята. Официально реабилитирован он будет спустя двадцать лет после войны, в 1965 году.

Войну генерал А. М. Куцев закончит в Берлине. Парадный мундир отяжелеет от орденов: двух орденов Ленина, трёх — Красного Знамени, Кутузова 1-й и 2-й степени и дорогой ему медали “XX лет РККА”.

*Должно быть, и вправду на свете нет ничего выше самопожертвования — недаром так много прекрасного заложено в людях незаметных, которые подчас не имеют и представления о собственных достоинствах и не задумываются о тайном смысле своего существования. Именно благодаря*

*самопожертвованию у человека, чья жизнь проходит в лишениях и невзгодах, каким-то чудом создаётся характер, формируемый нарочито и вместе с тем исполненный великодушия, черты которого крупны и благородны, как черты лица на древней медали.*

*Полнейшее самоотречение, о котором я только что говорил, постоянное и равнодушное ожидание смерти, безусловный отказ от свободы мыслей и поступков, медленность продвижения по службе, почти не дающая простора честолюбию, и невозможность накопления богатств пробуждают добродетели, весьма редкие среди тех категорий людей, которые вольны поступать, как им захочется...*

Рядом с командармом и в штабе, и на НП передовой линии, и в колонне наступающих войск — член Военного совета генерал-лейтенант Фёдор Ефимович Боков. Уроженец Воронежской губернии. До войны окончил Военно-политическую академию им. В. И. Ленина. С начала войны на фронте — член Военного совета Северо-Западного фронта, 2-го Белорусского фронта. Берзарин познакомился с Боковым во время боёв под Демянском. Когда получил назначение на 5-ю Ударную, тут же перетащил его к себе.

Артиллерия в 5-й Ударной, как правило, начинала каждую очередную операцию. Она же ликвидировала прорывы и останавливала контрудары противника, отбивала его танковые атаки. Артиллерией командовал генерал-майор Пётр Иванович Косенко. Родился он в селе Великомихайловке под Новым Осколом. В Красной армии с 1919 года. Участник гражданской войны. Окончил артиллерийскую школу в Харькове. Затем — Одесскую командную школу тяжёлой береговой артиллерии. Командовал огневым взводом и дивизионом. В 1938 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе и отбыл на Дальний Восток. Командовал артиллерией 1-й Краснознамённой Дальневосточной армии. В самый канун войны окончил курсы высшего состава при Академии Генштаба РККА. Воевал под Москвой, в районе Демянска. На Воронежском фронте командовал 1-й истребительно-противотанковой артиллерийской дивизией. Отличился в ходе Курской битвы. С 1944 года командовал артиллерией 5-й Ударной армии. После войны Герой Советского Союза генерал Косенко будет командовать артиллерией воздушно-десантных войск.

Хорошо была поставлена работа оперативного отдела. Не подводила связь.

Широкомасштабная Висло-Одерская операция распалась на целую серию более мелких и частных операций. Одной из них была Варшавско-Познаньская операция 1-го Белорусского фронта. Основной удар в рамках этой операции осуществляли 5-я Ударная и 8-я гвардейская и 61-я армии.

Шестнадцатого января с вводом в прорыв 2-й гвардейской танковой армии в полосу армии Берзарина маршал Г. К. Жуков начал стадию классического наступления на охват с последующим разгромом.

За четыре дня наступления войска 1-го Белорусского фронта разгромили главные силы 9-й армии противника и прорвались своими подвижными силами в оперативную глубину обороны немцев на расстояние до 130 километров. То, что себе позволяли летом сорок первого танковые группы Гудериана, Клейста и Гота, теперь, и более успешно и сокрушительно, делали гвардейские танковые армии генералов Катукова, Богданова, Рыбалко и Лелюшенко. 26 января танковые клинья 1-го Белорусского фронта достигли польско-германской границы. 29 января гвардейские танковые корпуса успешно преодолели Мизеритцкий УР и выкатились на бульжные мостовые приграничных немецких городов.

Тридцать первого января авангарды 5-й Ударной армии достигли Одера. Берзарин тут же передал им приказ: “Вперёд, на западный берег!”

К исходу 3 февраля в районе Кюстрина были захвачены и расширены плацдармы.

Жуков был явно настроен идти дальше и завершить удачно протекавшую операцию в Берлине. Не зря же его штаб накануне операции внушал каждому бойцу: “Пришло время нанести врагу последний сокрушительный удар и осуществить историческую задачу, поставленную Родиной, — добить

фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя победы...”

Но тут случилось то, чего опасались в штабе фронта больше всего. Противник усилил свою группировку в Померании. Группа армий “Висла” изготавилась для удара в южном направлении во фланг наступающим войскам 1-го Белорусского фронта. В помощь группировке 2-го Белорусского фронта маршал Г. К. Жуков направил четыре общевойсковых, два танковых и один кавалерийский корпус. Они вскоре покончили с померанской группировкой противника. Но силы были израсходованы, а момент для молниеносного удара на Берлин оказался упущенным. Немцы успели укрепиться в Заодерской равнине, создать глубокоэшелонированную оборону до самого Берлина, в том числе линию Зееловских высот.

Впоследствии маршал В. И. Чуйков напишет: “...если бы Ставка и штабы фронтов как следует организовали снабжение и сумели вовремя доставить к Одеру нужное количество боеприпасов, горючего и продовольствия, если бы авиация успела перебазироваться на приодерские аэродромы, а понтонно-мостостроительные части обеспечили переправу войск через Одер, то наши четыре армии — 5-я ударная, 8-я гвардейская, 1-я и 2-я танковые — могли бы в начале февраля развить дальнейшее наступление на Берлин, пройти ещё восемьдесят-сто километров и закончить эту гигантскую операцию взятием германской столицы с ходу”.

Дело не в фантазиях Чуйкова. И не в его полудантастических публицистических “если бы”. (Если бы на наш горох не мороз, он бы и тын перерос...) Дело в том, что такие, февральские настроения в войсках, сосредоточенных перед Берлином, существовали. У Чуйкова это настроение выплеснулось. Другие помалкивали. Или подбивали итоги, исходя уже из событий общего контекста завершённой истории взятия Берлина.

Армия Берзарина сделала самый глубокий бросок вперёд и остановилась на Кюстринском плацдарме. До “логова” оставалось всего ничего — 60 километров. Через Зееловские высоты.

Однажды, после успешного завершения Яско-Кишинёвской операции, начальник штаба 3-го Украинского фронта генерал С. С. Бирюзов позвонил Берзарину и поздравил с овладением Кишинёва.

— Желая так же успешно взять Берлин, — сказал он.

Берзарин, возвращая Бирюзову его юмор, ответил:

— Спасибо, Сергей Семёнович. Но если вам поручат планировать Берлинскую операцию, то вы опять поставите меня на второстепенное направление.

— Вас хоть куда ставь, вы всё равно будете впереди.

## 9

“Дату вступления войск 5-й Ударной армии 1-го Белорусского фронта на территорию коренной Германии, — вспоминает В. Е. Скоробогатов, — можно назвать точно: 27 января 1945 года. В этот день на пути следования наших частей в городе Лукац-Крейц мы прочли надпись на фанерном щите, прибитом к телеграфному столбу: “Вот она, проклятая Германия!”

Выступив из Магнушева 14 января 1945 года, мы к 28 января преодолели более 500 километров. С боями, по бездорожью, сквозь ветер и снегопад. “Пехота — царица полей” — красиво звучит. Но какой тяжкий ратный труд был взвален на матушку-пехоту! Никогда не забуду одни страшные сутки марш-броска. До цели, до села Эшенбуш, надо было преодолеть что-то около 60 километров. Шли просёлками и перелесками, в условиях густой снежной метели. Каждый боец был нагружен, как верблюд. Что нёс солдат? Вещмешок с предметами личной гигиены и с суточным пайком. Имел набитую патронную сумку, винтовку и автомат, несколько ручных гранат. На салазках обычно волокли ящики с минами, станковые пулемёты.

<...> Проходили чёрные пустые селения, лесные чащи. Наконец-то показали какие-то огоньки, скопление транспорта, орудия. Эшенбуш! Шли очень долго, а достигли посёлка после полуночи. Я полностью потерял способность

передвигаться. <...> Забрался внутрь какого-то помещения, где при свете керосинового фонаря спали вповалку люди.

Кто-то уступил мне место в углу, где я сел на пол. Нет, я не уснул — я просто потерял сознание”.

Берзарин гнал вперёд свои корпуса и дивизии. На узлах сопротивления не задерживались, обходили их, оставляя вторым эшелонам, артиллерии и авиации. На Одер его войска вышли первыми. В первых числах февраля 248-я стрелковая дивизия (генерал-майор Н. З. Галай) 9-го стрелкового корпуса завязала бой на берегу Одера и с ходу, “под огнём врага, по ненадёжному льду, разбитому авиацией и артиллерией”, начала переправу. Одновременно на соседнем участке начали переправу на западный берег 89-я и 94-я гвардейские дивизии.

Берзарин доложил Жукову: “Дошли!” Жуков: “Нужен плацдарм, вперёд!” Берзарин: “Есть плацдарм, закрепляемся!” Жуков: “Поздравляю, держись!” И тут же подтвердил свой приказ письменно:

“...На 5-ю Ударную армию возложена особо ответственная задача — удержать занимаемый плацдарм на западном берегу реки Одер и расширить его хотя бы до 20 километров по фронту и 10–12 километров в глубину.

Я вас прошу понять историческую ответственность за выполнение порученной вам задачи и, рассказав своим людям об этом, потребовать от всех исключительной стойкости и доблести.

Желаю вам и руководимым вами войскам исторически важного успеха.  
*Г. Жуков”.*

Жуков явно выделял 5-ю Ударную и её командующего.

В приказах комфронта этого периода начинает пробиваться пафос. Что ж, история уплотняла события. Финал уже зиял впереди.

Берзарину везло. Но, как говорят, везение — это тщательно подготовленное стечение обстоятельств.

Однако на подходе к Одеру 5-й Ударной действительно повезло.

Бойцы 899-го стрелкового полка захватили гауптмана, инженера, занимавшегося строительством оборонительных рубежей на подступах к Берлину и в самом городе. У него оказался подробный план Большого Берлина и пригородов с нанесёнными на него инженерными сооружениями оборонного значения и другими военными объектами. Курсанты допросили инженера, тщательно изучили план, словно знали, что скоро идти с боем и через предместья, и по улицам Берлина, и отправили его в штаб дивизии, к генералу Галаю. Тот тут же направил его в штаб корпуса, к Ивану Павловичу Рослому. Вскоре план и гауптман оказались в штабе фронта.

Штабы в те дни работали день и ночь. Офицеры оперативных отделов добросовестно исползали на пузе все наиболее важные участки предстоящего наступления, истоптали все ходы сообщения переднего края. Наносили на карты лощинки, высотки, здания, рощи и речки, каналы и фольварки. Авиационная разведка проводила регулярную фотосъёмку. Самолёты-разведчики забирались в глубину немецкой обороны, за Зееловские высоты, до пригородов. Артиллеристы фиксировали свои цели, лётчики — свои, танкисты — свои. Офицеры-наблюдатели стрелковых частей — свои. Дорожные перекрёстки, мосты, линии траншей, бетонные бункеры, каналы, противотанковые орудия и пулемётные доты, которыми, как правило заканчивались отрезки дорог на перекрёстках и за поворотами. Четыре года войны научили их распознавать под стогами сена и различными хозяйственными постройками позиции пулемётных расчётов, под крышами сараев и конюшен — одиночные противотанковые орудия, танки, во дворах — припаркованные грузовики, бронетранспортёры и тягачи, за стенами фольварков — замаскированные ветками и маскировочными сетками миномётные батареи.

На плацдармах у Кюстрина было тесно от войск и боевой техники.

Накануне в штаб 1-го Белорусского фронта из Москвы поступила директива Ставки ВГК № 11059: “Главный удар нанести с плацдарма на р. Одер западнее Кюстрина силами четырёх общевойсковых армий и двух танковых армий”.

Берзарин рассматривал в стереотрубу линии проволочных заграждений, холмы на горизонте, жилки каналов и дорог. С волнением думал: “Скоро!”

Сбывалось то, о чём мечтали, но о чём боялись сказать вслух под Ржевом и Демянском. До Берлина, если напрямик на запад, всего шестьдесят километров.

Комфронта поставил задачи армиям на первые четыре дня наступления, серией отдельных приказов — ударным группировкам. Первым номером шла частная директива за № 00539/оп, в которой определялась роль и место в колоннах наступающих 5-й Ударной, 8-й гвардейской, 1-й и 2-й гвардейской танковым армиям. Этой четвёрке предстояло атаковать с Кюстринского плацдарма. Но роль коренника в этой гонке отводилась армии Чуйкова.

Берзарину предписывалось:

“...прорвать оборону противника на участке: отм. 9,3 (2 км сев. Це-хин), Ной-Харденберг, Грунов, Везенталь, Бломберг, Бланкенбург, Тегель, овладеть рубежами:

а) в первый день операции — искл. Альт-Фридрих, Ной-Харденберг, искл. Альт-Розенталь;

б) во второй день операции — искл. Претцель, Рульдсдорф;

в) в третий день операции — искл. Люме, Куммензее, Альт-Ландсберг.

В дальнейшем овладеть северо-восточной и северной частью г. Берлина и на шестой день операции выйти на восточный берег оз. Хавельзее”.\*

Общевойсковые армии должны были прорвать первые линии обороны для ввода в прорыв мобильных сил танковых армий с целью развития наступления и его темпов. Согласно плану Берлинской операции, события должны были развиваться по классическому сценарию, отработанному в предыдущих масштабных атаках. Танковые бригады Катукова и Богданова должны были проломить дорогу к пригородам Берлина от юго-западной его части до северной и затем выйти к Эльбе навстречу союзникам.

Историк Алексей Исаев пишет: “Ни 1-й, ни 2-й танковым армиям не ставилась задача водрузить красное знамя над Рейхстагом. Их задачей был быстрый прорыв на окраины Берлина и захват пригородов по периметру города. Шесть танковых и механизированных корпусов по плану “обволакивали” немецкую столицу, подобно тому как паук заматывает жертву в паутину. Тем самым Берлин блокировался и подготавливался к генеральному штурму с запада 8-й Гвардейской и 5-й Ударной армиями. Через Силезский вокзал к центру города должна была идти пехота армии Чуйкова, а не танки Катукова. По первоначальному плану операции участие танковых армий в уличных боях было минимальным. Они должны были только предотвратить усиление гарнизона”.

Состав 5-й Ударной армии перед последним штурмом выглядел следующим образом: четыре корпуса — 26-й гвардейский, 9-й, 32-й стрелковые корпуса, 11-й танковый корпус; 61-я инженерно-сапёрная бригада; 4-я гвардейская истребительно-противотанковая бригада; 220-я танковая бригада; 89-й тяжёлый танковый полк; 92-й инженерно-танковый полк (15 Т-34 тральщиков); 396-й тяжёлый самоходный артиллерийский полк; 274-й отдельный механизированный батальон особого назначения. В каждой из девяти стрелковых дивизий был самоходно-артиллерийский дивизион. Армия располагала 353 бронеединицами: 128 ИС-2, 41 Т-34, 3 Т-70, 134 СУ-76, 26 ИСУ-122, 21 ИСУ-152. Машина! Моща, как говорили тогда солдаты, глядя, как на марше их обгоняют танки и бронетехника усиления. Такой бы кувалдой в сорок втором демянский “котёл” крушить...

Ударной группировке маршала Г. К. Жукова противостояла 9-я полевая армия генерала Бюссе ГА “Висла”. Общая численность — около 200 000 человек. Немецкая группировка по численности значительно уступала нашей. Но инженерные сооружения, прекрасно оборудованные позиции вполне компенсировали эту разницу. Так что драться предстояло на равных. Решал, как всегда в таких сражениях, дух войска.

Плотность артиллерии в период артподготовки на участке 5-й Ударной армии была 286 стволов на 1 км фронта. Для сравнения: на участке 8-й — 268 стволов.

\* ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 459. Л. 75.

Прожекторы распределили по всему периметру. 5-й Ударной досталось 36 установок из 143. Толку от них было мало.

Армии Берзарина судьба поднесла горькую чашу сразу, ещё перед общей атакой, когда поступил приказ провести разведку боем.

Каждая армия, изготовившаяся к штурму, проводила разведку боем перед своим фронтом своими силами. Но на Кюстринском плацдарме, где стояли ещё две армии, 3-я ударная и 47-я, подведённые сюда накануне, разведку боем решено было провести силами частей, ранее занимавших плацдарм. Так что батальоны полезли на проволоку не только на своих участках, но и в полосе соседей.

Короткий бой продолжительностью два-три часа, в ходе которого пехота и танки продвинулись до 400 метров в глубину обороны противника, показал: на первом рубеже немцы держат немногочисленные боевые охранения; во второй линии находятся основные силы пехоты и артиллерии, а между ними — отдельные узлы сопротивления, доты, одиночные самоходные орудия, которые своим огнём контролируют промежуточное пространство.

Берзарин со своим штабом сделал вывод: “Проводить полную артподготовку по первому рубежу и прилегающей к нему тактической глубине не имеет смысла”\*.

На следующий день Берзарин приказал усилить группы тяжёлыми танками, орудиями большой мощности, миномётами. На некоторых участках батальоны продвинулись до 2–2,5 километра и закрепились там. В результате была сбита со своих позиций 20-я танко-гренадёрская дивизия. Её окопы заняли берзаринцы.

В полосе 8-й гвардейской армии разведку боем проводили штрафники. Наконец, наступило 16 апреля.

## 10

Протяжённость фронта наступления у 5-й Ударной армии составляла девять километров. Свой боевой порядок Берзарин выстроил в два эшелона. В авангарде — пять дивизий. На их пути стояли части 309-й пехотной и 9-й парашотно-десантной дивизии армии генерала Бюссе.

В 5:00 началась артподготовка. На участке армии огонь вели 1999 орудий различных калибров и 306 установок БМ-13 “катюша”.

В первый же день наступления выяснилось: продвижение вперёд слабое, сопротивление сильное. 26-й гвардейский стрелковый корпус сбил противника с железнодорожной насыпи и углубился на три километра.

Успехи соседей в первый день наступления оказались более скромными. Однако первая линия была прорвана, войска подошли ко второй линии немецкой обороны — “позиции Харденберга”.

Потери 5-й Ударной были самыми большими — 369 человек убитыми и 1298 ранеными.

Наступление не прекращалось и ночью. Теперь в боевых порядках дивизий первого эшелона шли танки и самоходки 2-й гвардейской танковой армии. К исходу второго дня наступления войска Берзарина продвинулись ещё на 8–14 километров и перехватили Рейхсштрассе №167. За шоссе открывались Зееловские высоты. Прорваны “позиции Харденберг” и “позиции Штейн”. Потери снова были самыми высокими: 615 человек убитыми и 2034 ранеными. Такова цена успеха армии, добившейся во второй день атаки наибольших результатов.

В одной полосе с пехотой Берзарина шли танки 1-го механизированного Красноградского корпуса генерал-лейтенанта С. М. Кривошеина.

Мехкорпус генерала Кривошеина входил в состав 2-й гвардейской танковой армии. Корпус сильный. Его состав: 19-я, 35-я, 37-я механизированные бригады, 219-я танковая бригада, 57-й отдельный мотоциклетный батальон, 75-й самоходно-артиллерийский полк, 347-й гвардейский самоходно-артиллерийский полк, 1822-й самоходно-артиллерийский полк, 294-й миномётный

\* ЦАМО РФ. Ф. 426. Оп. 10753. Д. 1425. Л. 96.

полк, 1382-й зенитный артиллерийский полк, 41-й гвардейский отдельный миномётный дивизион реактивной артиллерии.

Танковая и механизированные бригады были укомплектованы исключительно ленд-лизскими танками “шерман” и “валентайн”, а также бронемашинами “скаут кар”. “Скаут кар” — машина большой проходимости с мощным мотором и противопульной обшивкой. По хорошей дороге развивал скорость до 90 км/час. Что-то вроде современного джипа. На нём устанавливались два, иногда три, а то и четыре пулемёта на турелях. В условиях городского боя в кварталах с плотной застройкой такой бронетранспортёр был незаменим. Представьте себе, во двор влетает бронированная машина с открытым верхом и из пулемётов, установленных на турелях, начинает поливать свинцом окна и мансарды, где засел противник. Два из четырёх пулемётов — крупнокалиберные 12,7-мм “браунинги”. “Джип” Второй мировой использовали и в качестве автомобиля-разведчика, и в качестве артиллерийского тягача, и как штабную машину. На его платформе устанавливали лёгкую противотанковую пушку или миномёт.

С прорывом ударников Берзарина и бригад генерала Кривошеина к Зелёловским высотам наметилось, наконец, направление предстоящей атаки в глубину немецкой обороны.

Штаб ГА “Висла” лихорадочно латал пробоины в фронте 9-й армии, перебрасывал сюда новые и новые части из резервов и неатакованных участков.

Войска, остановленные перед Зелёловскими высотами, начала атаковать немецкая авиация. Видя, какие потери начали нести передовые части, Берзарин тут же запросил у штаба фронта прикрытие с воздуха. Пехотинцы и танкисты с восторгом наблюдали, как наши “Яки” и “ЛаГГи” буквально рвали над высотами немецких асов. Десятки “юнкерсов” и “фоккевульфов” были сбиты в тот день.

В штабе 5-й Ударной с удовлетворением и восхищением повторяли: “В небе Савицкий!”

Генерал-лейтенант Е. Я. Савицкий командовал 3-м истребительным авиационным корпусом. И каждый день вылетал на своём командирском Як-3 в группе со своими “соколами”. К концу войны на его личном счету было 22 самолёта и два сбитых в группе. А всего с 1942 года по 1945-й генерал Савицкий произвёл 216 боевых вылетов.

Берзарин какое-то время наблюдал, как кувыркаются, словно игрушечные, над сопками высот истребители 3-го корпуса, как вываливаются из “карусели” дымящие “фоккеры” и “мессершмитты”, потом позвал шифровальщицу Аверину и продиктовал телеграмму для генерала Савицкого: “Прошу объявить благодарность лётчикам Вашего корпуса, отлично действовавшим в сложных метеорологических условиях при обеспечении войск и переправ через Одер”.

На третьи сутки штурма войска Берзарина и Чуйкова при поддержке танковых армий развивали успех, наметившийся на их стыке. Их пыталась контратаковать танково-гренадёрская дивизия СС “Нордланд”. Ударом наших авангардов контратака была погашена ещё на стадии развёртывания. Немецкие тылы уже давали сбой, танки “Нордланда” стояли без горючего и использовались в бою как неподвижные огневые точки.

На четвёртый день 61-я армия генерала П. А. Белова, действовавшая правее, с Франкфуртского плацдарма, начала переправу через Одер.

Бывший командир LVI танкового корпуса генерал артиллерии Гельмут Вейдлинг вспоминал: “18 апреля русские продолжали расширять прорыв между 56-м и 11-м тк СС, а равно между 56-м тк и 101-м ак, оказывая одновременно давление с фронта на части 56-го тк”.

Вводом в бой последних резервов, в том числе танково-гренадёрских дивизий “Нордланд” и “Недерланд”, ГА “Висла” на сутки удалось задержать обвал фронта.

Девятнадцатого апреля “позиция Вотан” была взломана сразу на широком фронте в полосах ударов 5-й Ударной, 3-й Ударной и 8-й Гвардейской армий.

Стрелковые корпуса армии при поддержке брони и гусениц 12-го гвардейского танкового корпуса сбили части 9-й армии с рубежа восточнее Ригенвальде и продвинулись в глубину на десять километров и более.

Корпус генерала Кривошеина, сменив направление, ушёл вперёд. Атаки 5-й Ударной армии теперь поддерживал 12-й гвардейский корпус генерала Н. М. Телякова. Корпус сильный, при трёх гвардейских танковых бригадах, гвардейской мотострелковой бригаде и вспомогательных частях.

С прорывом “позиции Вотан” фронт 9-й армии начал рассыпаться.

Из штаба фронта в связи с изменившимися обстоятельствами тут же поступили новые директивы, определившие армиям новые направления.

Общевойсковые армии Берзарина и Чуйкова и танковая громада Катюкова с боями и частыми вынужденными остановками, обусловленными яростным сопротивлением частей 9-й армии, двигались к “имперской столице” вдоль Рейхштрассе № 1 и составляли левое крыло фронта. “К вечеру 20 апреля, — пишет исследователь Битвы за Берлин историк Алексей Исаев, — стрелковые дивизии 8-й Гв. и 5-й Ударной армий выстроились подковой вокруг сбитых с “позиции Вотан” остатков корпуса Вейдлинга”. Сам Вейдлинг вспоминал тот день так: “20 апреля сильно побитые части 56-го тк вели бои на линии Гартенштадт (севернее Штраусберга), Клострндорф, Хозенхольц, Дамедорф, Мюнхеберг. Это был самый тяжёлый день для моего корпуса и, пожалуй, для всех немецких частей; части, понесшие огромные потери в предыдущих боях, измотанные и усталые до крайности, не могли больше выдерживать огромный натиск превосходящих русских войск...”

Реки... Сколько их пришлось форсировать, переплывать на бревне, переходить вброд и по только что наведённым мостам солдату Красной армии на пути к Берлину! Для Берзарина водные преграды начались с озера Селигер на Валдае. Вазуза, Ловать. Потом были реки Подмосковья. Днестр. Одер.

И вот он со своими солдатами подошёл к Шпрее.

Каждый, кому на войне дана власть над подчинёнными, рано или поздно задумывается над ценой своих побед и рисует в воображении картины гибели своих солдат, тех, кого он посылал на смерть. Кто-то из посланных на смерть выжил, кто-то — нет, добросовестно исполняя полученный приказ. Те картины бывают чудовищны и порой не согласуются с логикой политических задач и военной необходимостью...

*Полк принадлежал полковнику, а рота — капитану...*

## II

Историки признают: “Своё участие в Битве за Берлин 5-я Ударная армия начала с блестящего “хода конём” — с форсирования реки Шпрее”\*.

Отличился 9-й стрелковый корпус генерала Рослого. Надо заметить, что с входом корпуса в предместья “имперской столицы” его дивизии и части усиления действовали с особым подъёмом и энергией, будто у солдат, сержантов и офицеров открылось второе дыхание.

И здесь Берзарину снова повезло: для форсирования Шпрее армии были приданы катера Днепровской речной флотилии. Небольшие полуглиссеры, вооружённые пулемётами “максим” на турелях, в считанные минуты приняли десант, и вскоре четыреста человек вслед за разведкой высадились на противоположном берегу, подавили немногочисленные гарнизоны противника, находившиеся вдоль побережья, и захватили плацдарм. Моряки-днепровцы начали переправу: на катерах и глиссерах перебрасывали на плацдарм пехоту, на паромах — артиллерию.

Пленный, захваченный при расширении плацдарма, рассказал: “Большинство сил подсектора-2 располагалось на главной линии обороны, так как готовились отразить удар с юго-востока; на левом фланге по р. Шпрее имелось только боевое охранение, так как мы не думали, что русские будут форсировать озёра. Однако русские ударили нам во фланг, тем самым нарушили всю систему обороны сектора”.

Вслед за артиллерией на паромах начали заезжать танки.

В этот день 26-й стрелковый корпус генерала Фирсова захватил Силезский вокзал.

\* Исаев А. В. Битва за Берлин. Флаг над Рейхстагом. — М.: ЭКСМО, 2010.



Бой не утихал ни днём, ни ночью.

Утром 23 апреля Берзарину передали 11-й танковый корпус генерала Ющука. Три танковых бригады, каждой из которых придан полк СУ-76.

По приказу командарма в полках и батальонах начали формировать штурмовые группы. В зависимости от задач штурмовые группы могли быть числом от отделения до роты. Их оснащали пулемётами, 45-мм орудиями, а также 76-мм дивизионными и полковыми пушками, 122-мм гаубицами, миномётами различных калибров. Придавали две-три самоходки или тяжёлые танки ИС-2. Штурмовые группы двигались в авангарде соединений, зачищали дом за домом, квартал за кварталом от фаустников, разбивали доты, подавляли небольшие гарнизоны, давая путь колоннам основных войск.

Армии медленно продвигались к центру Берлина. Быстро броска не получалось. Шло медленно прогрызание немецкой обороны, постепенное перемалывание берлинского гарнизона.

Из западной части Берлина на участок действия войск генерала Берзарина была переброшена 18-я танково-гренадёрская дивизия. Она на один день приостановила наступление 32-го стрелкового корпуса. Корпус стоял перед Шпрее. Под шквальным огнём противника захватил небольшой плацдарм, но вскоре от роты, переправившейся на немецкий берег, осталось одно отделение.

Только 9-й корпусу И. П. Рослого удалось благополучно перемахнуть через Шпрее.

Штурмовые группы продолжали выкуривать из полуподвальных помещений фаустников, терпеливо выжидавших в своих укрытиях приближения советских танков, чтобы с близкого расстояния наверняка израсходовать свои три фаустпатрона и уничтожить бронеединицу и пять человек экипажа. Часто в окнах полуразбитых домов и за горами кирпича и черепицы сидели, держа наготове своё чудо-оружие, двенадцати-тринадцатилетние подростки — последняя надежда фюрера. Наши автоматчики вытаскивали их за шкуру из канализационных люков, из разбитых троллейбусов на баррикадах, перегораживавших улицы, отнимали фаустпатроны, вытряхивали из просторных мундиров и провожали в тыл. Когда опорные пункты оказывали упорное сопротивление, стреляя из проломов в стенах, из окон, с мансард из пулемётов и орудий, штурмовые группы подводили 203-мм гаубицы и долбили прямой наводкой с расстояния 100–150 метров, не жалея снарядов. Потом по дымящемуся щебню шли вперёд.

Двадцать четвёртого апреля командующий войсками 1-го Белорусского фронта своим приказом назначил генерал-полковника Н. Э. Берзарина комендантом и начальником гарнизона Большого Берлина в границах двадцати районов.

К исходу 27 апреля 5-я Ударная армия, накануне, наконец, переправившись через Шпрее, смогла продвинуться вперёд более чем на километр. До Рейхстага оставалось 2250 метров.

Полоса наступления сужалась. Соседи теснили и справа, и слева. Справа — левофланговая дивизия и бронетехника усиления 3-й Ударной армии генерал-полковника Кузнецова. Слева — части генерал-полковника Чуйкова.

Части авангарда начали сокращать численность штурмовых групп. Пять автоматчиков, два снайпера; пулемётчик, три сапёра.

Часть артиллерии и транспорта Берзарин приказал отвести в тыл.

К исходу 28 апреля войска 9-го стрелкового корпуса очистили от противника 23 квартала и вели бой у Ангальтского вокзала, Вильгельмштрассе и Кохштрассе. До Рейхсканцелярии штурмовым группам генерала Рослого оставалось совсем немного. 32-й корпус продвигался по западному берегу Шпрее в направлении Лейпцигерштрассе и Потсдамской площади.

В этот день в распоряжение штаба армии из фронтового резерва прибыли два артиллерийских дивизиона орудий большой мощности — 305-мм пушки на гусеничном ходу. В каждом дивизионе — четыре установки. Заряд — 24 килограмма ленточного пороха. 120-килограммовый снаряд. Фугасный, бронебойный или бетонобойный. Могли стрелять и корабельными снарядами, которые были в два раза тяжелей. Калибр линейных кораблей. Самая

большая дубина русского “бога войны”. Артиллерист запросто залезал в ствол этой царь-пушки. Полутора-двухметровые стены домов, превращённых в крепости, разлетались, как картонные.

Маршал Г. К. Жуков явно выгалкивал Берзарина к Рейхстагу. Однако к вечеру следующего дня судьбу Рейхстага решила 150-я стрелковая дивизия 3-й Ударной армии. Её штурмовые отряды уже атаковали высокое здание с округлым куполом. Артиллерии всех армий, наступающих к центру Берлина, приказано было прекратить огонь.

Когда командир 9-го стрелкового корпуса доложил Берзарину, что его передовые батальоны остановлены перед комплексом зданий гостипографии, что открытая местность перед ними простреливается из пушек и миномётов и что лёгкая артиллерия эффекта не даёт, он приказал подвести для стрельбы прямой наводкой 203-мм орудие. Одно за другим рушились кирпичные здания, погребая под обломками и щебнем своих защитников. Уцелевшие перебрались в здания, стоявшие в глубине квартала. Огонь 305-мм орудия их не доставал, мешали руины впереди стоявших зданий. И тогда — о, русская смекалка! — бойцы штурмовых групп атаковали их трофейными 300-мм реактивными снарядами. Пуски снарядов производили с лотков, изготовленных тут же, кустарным способом, из окон и мансард по соседним окнам. Вскоре с гарнизонами последних зданий типографии было покончено.

Берзарин потом с интересом разглядывал уцелевшее типографское оборудование, металлические кассы в наборном цеху, переплётные станки...

Вечером 30 апреля в штаб армии поступил приказ штаба 1-го Белорусского фронта № 006: “<...> Войска 3-й Ударной армии генерал-полковника Кузнецова, продолжая наступление, сломили сопротивление врага, заняли главное здание Рейхстага и сегодня, 30.4.45 г. <...> подняли на нём наш Советский флаг. В боях за район и главное здание Рейхстага отличился 79-й стрелковый корпус генерал-майора Перевёрткина, 171-я стрелковая дивизия полковника Негоды и 150-я стрелковая дивизия генерал-майора Шатилова”.

Но бои продолжались. Живые отгаскивали убитых, перевязывали раненых. Те уныло брели в тыл. Пехотинцы короткими бросками перебирались от окна к окну, от здания к зданию, от руины к руине. В ход шли ручные гранаты и трофейные фаустпатроны. Перед самым штурмом Берлина личный состав обучали пользоваться этой нехитрой штуковиной, и теперь бойцы не хуже фольксштурмовцев палили по целям из свехоружия фюрера. Из глубины кварталов через головы атакующих штурмовых групп, нащупав цели, часто били самоходки и танки. Когда наступала пауза или ночь прекращала атаки, бойцы и командиры засыпали тут же, под уцелевшими стенами на гудах щебня в обнимку с автоматами и положив под головы потные пилотки.

После окончания боёв в интервью одному из корреспондентов центральных газет Берзарин сказал: “Думаю, что такого массового героизма, какой проявлялся в эти дни в битве за Берлин, ещё никогда не было. Да, да, поверьте мне, старому солдату. В чём секрет этого героизма, понять нетрудно: желание быстрее добить врага и победно закончить войну. И как результат этого — всеобщее воодушевление! И, конечно, воинское мастерство и труд. Солдатский подвиг рождается в труде. Без этой взаимосвязи невозможно понять и правильно оценить героизм советских воинов...”

*Самое прекрасное после вдохновения — это самоотверженность; вслед за Поэтом первым идёт Солдат; не его вина, если ему суждена доля илота.*

*Армия слепа и бессловесна. Она бьёт наугад оттуда, куда её ставят.*

*Ей ничего не надо, и она действует механически. Это большая машина, которую приводят в движение и которая наносит смерть; но это и нечто такое, что способно страдать.*

Бои продолжались с прежним ожесточением. 30 апреля авангарды 5-й Ударной ворвались в Рейхсканцелярию. В коридорах — вороха бумаг. Пачки листовок, перевязанные шпагатом. Отпечатаны, видимо, в той самой типографии, которую только что разнесли в пух и прах орудия большой мощности и

сапёры из штурмовых групп. На одной из них — воззвание Геббельса к берлинцам и солдатам гарнизона: “Браво вам, берлинцы! Берлин останется немецким! Уже движутся отовсюду к Берлину корпуса и армии, готовые защищать столицу, нанести решающее поражение большевикам и в последние часы изменить судьбу нашего города...”

Бои продолжались. А новый комендант Берлина часть своих усилий и энергии уже тратил на то, чтобы на освобождённой от нацистов территории гражданские люди почувствовали себя освобождёнными, чтобы армейские тылы приступили к самому необходимому — ротные и батареинные повара должны делать дополнительную закладку и кормить гражданских.

Из воспоминаний бывшего командира 771-го артиллерийского полка 248-й стрелковой дивизии 5-й Ударной армии полковника Владимира Алексеевича Жилкина: “Кажется, 29 апреля мы оказались в расположении полков своей дивизии, в зоне вражеского пулемётно-артиллерийского и миномётного огня. С наступлением темноты наша 6-я батарея произвела смену позиции, чтобы участвовать в штурме главного объекта немецкой обороны.

Здесь я должен уточнить, что карт Большого Берлина у нас оказалось мало, на всех офицеров не хватало. Командующий артиллерией корпуса пообещал нам, что выдаст нам некоторое количество карт дополнительно. Указали координаты, и я с двумя автоматчиками отправился в штакор. Это был уже “тыл”. Я стал свидетелем того, как берлинцы, старые и малые, начали выбираться из подвалов и других укрытий. У афишной тумбы уже толпилось до десятка немцев, они читали наклеенный там приказ коменданта города. Возвращаясь с пачкой карт, полученных в штабе корпуса, я увидел порядочную толпу. Стоял грузовик, и двое наших солдат выдавали немцам хлеб и консервы. Под напором голодной толпы солдаты растерялись. Подбирая немецкие слова, я крикнул, призывая соблюдать порядок. Мгновенно люди вытянулись в цепочку: слова мои подействовали.

В сторонке, не решаясь подойти к толпе, стояла ветхая старушка с девочкой 10–12 лет. Обращаясь ко мне, офицеру, старушка стала что-то лепетать. Фразы её можно было понять и без перевода — от голода у неё блестели глаза. Рот у её внучки был раскрыт, она делала глотательные движения. Я взял у солдат из ящика банку консервов, буханку хлеба и отдал старой женщине. “Данке щён, данке щён”, — шептала старушка, а девочка протянула руку, и на раскрытой ладонке лежали золотые женские часики. Я сделал отрицательный жест рукой, как мог, пояснил, что вот-вот стрельба закончится. Вся толпа стояла тихо и смотрела на меня, как на чудотворца. Снабженцы пояснили мне, что раздача продуктов ведётся по приказу советского коменданта. В тот день Берзарин накормить берлинцев не мог, конечно, но он сел надежду на спасение...”

Штаб Берзарина в те дни по-прежнему размещался в Карлсхорсте, в комплексе зданий бывшего Военно-инженерного училища. Несколько дней назад 301-я стрелковая дивизия выбила отсюда элитную часть немцев. Теперь оттуда расходились приказы, обращённые не только к наступающим войскам, но и к тылам, а также к берлинцам. Гросс-комендант Берлина уже действовал. 28 апреля в освобождённых кварталах города было расклеено обращение — эдикт-приказ № 1:

“1. Населению города соблюдать полный порядок и оставаться на своих местах.

2. НСДАП и все подчинённые ей организации распустить и деятельность их запретить.

3. В течение 72-х часов со времени опубликования приказа должны явиться на регистрацию все военнослужащие немецкой армии, войска СС и СА, оставшиеся в городе Берлине.

4. Руководящему составу всех учреждений НСДАП, гестапо, жандармерии, охранных отрядов, тюрем и всех других государственных учреждений явиться в районные и участковые комендатуры для регистрации.

5. Все коммунальные предприятия, как то: электростанции, водопровод, канализация, городской транспорт, все лечебные учреждения, все продовольственные магазины и хлебопекарни должны возобновить свою работу

по обслуживанию населения. Рабочим и служащим перечисленных учреждений оставаться на своих местах. В дальнейшем, до особых указаний, выдачу продовольствия из продуктовых магазинов проводить по нормам и документам, существовавшим ранее.

6. Собственникам банков и управляющим временно всякие финансовые операции прекратить, сейфы немедленно опечатать и явиться в военные комендатуры с докладом о состоянии банковского хозяйства.

Всем чиновникам банков категорически запрещается проводить какие бы то ни было изъятия ценностей...”

Тот же эдикт предписывал сдать имеющееся на руках либо найденное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, военное снаряжение и имущество.

Надо было удерживать и воинскую дисциплину в войсках, расквартированных в Берлине и предместьях после подписания немцами капитуляции. 7 мая 1945 года под грифом “Для служебного пользования” Берзарин подписал приказание № 0180 “Об организации патрульной службы в г. Берлине”.

“Комендант Берлина *приказывает*:

1. В целях решительного пресечения мародёрства и другого противозаконного поведения ввести всеохватывающее патрулирование в тех районах, где размещены армейские подразделения.

2. Для несения патрульной службы выделить лучшие силы из числа рядовых, сержантов и офицеров.

3. Для контроля патрульной службы и поддержания общего порядка в Берлине, а также в целях пресечения грабежей и насилий привлекать всех, без исключения, штабных офицеров всех уровней.

4. Проводить патрулирование на автомашинах с командой от четырёх до шести автоматчиков, а именно:

— от каждого из стрелковых полков: одна машина;

— от каждого дивизионного штаба: две машины;

— от корпусных штабов: три машины;

— от штаба армии: десять машин”.

В каждом полку был сформирован комендантский взвод.

В. Е. Скоробогатов вспоминал: “У нас в полку командиром этого взвода служил Сергей Астахов, до призыва в армию работавший начальником районной милиции. Он и группа штабников оборудовали грузовик для патрульной службы. Вооружив людей автоматами, Астахов дал знать всей округе, что здесь он не потерпит каких-либо бесчинств. Саратовец, лейтенант Володя Жевак, например, в кварталах, занятых нашим полком, через громкоговоритель оповестил жителей на немецком языке, куда им обращаться с сигналами, если кто-либо из военных допустит притеснения.

Потом мы учредили в штабе приёмную, где постоянно вместе с дежурным офицером находился переводчик Киселёв. На этом пункте жители имели возможность изложить свои просьбы”.

Маршал Г. К. Жуков назначил Берзарина на пост коменданта Берлина в те дни, когда ещё продолжались яростные схватки за центр “имперской столицы” и когда ещё действовал старый комендант и начальник берлинского гарнизона генерал Вейдлинг. Пушки ещё не умолкли, а уставшие от четырёхлетней тяжкой фронтовой работы солдаты продолжали атаковать вперёд, когда в районах германской столицы уже начала действовать сеть районных комендатур.

Город был условно разделён на три сектора. Секторы — на районы. Каждому району был присвоен номер.

В южный сектор входили следующие районы: Целендорф, Штеглиц, Шёнеберг, Кройцберг, Темпельгольф и Нойкёльн.

В северо-западный: Райникондорф, Велдинг, Тиргартен, Шарлоттенбург, Шпандау и Вильмерсдорф.

В северо-восточный: Панков, Пренцлауер-Берг, Митте, Вайсензее, Фридрихсхайн, Лихтенберг, Трептов и Кёпеник.

В каждом районе — военный комендант, штат заместителей и специалистов, обязательно переводчик, комендантский взвод. Комендатуры тут же приступили к исполнению порученных дел. Вместе с донесениями из штабов

атакующих корпусов и дивизий Берзарин получал доклады от военных комендантов о состоянии дел городского хозяйства, о том, какая помощь оказывается местным жителям, какие проблемы возникают и какие из них необходимо решить в первую очередь.

Однажды во время последних дней штурма позвонили сразу из нескольких районных комендатур: прекратилась подача электричества и воды. Для большого города — это катастрофа. Правда, мы, русские, вправе вспомнить Сталинград и другие города и городки, разбитые войной до основания, и расставить по этой теме свои оценки. Но, войдя в “логово”, откуда ещё исходило зло, и подавив сопротивление берлинского гарнизона, Красная армия сразу же приняла на себя заботу о мирных гражданах большого города. Если провести справедливые аналогии, то немцы обязаны были сбрасывать голодающим ленинградцам контейнеры с консервами и хлебом, не угрожать обороняющейся Москве затоплением, не выжигать вместе с жителями белорусские, смоленские, тульские и брянские деревни...

Оказалось, во время подрыва мостов через Шпрее и каналы немцы основательно повредили электростанцию в Шарлоттенбурге, последнюю из уцелевших. Берзарин тут же бросил туда разведку и бригаду специалистов. Электричество поступало от турбин плотины в Руммельсберге. Под огнём противника всю ночь инженерная служба 5-й Ударной армии устранила неполадки. К утру заработала вначале одна турбина, потом все остальные.

Жуков в своей директиве новому военному коменданту, кроме всего прочего, предписывал: “Мы ожидаем, что в каждом работнике нашей берлинской комендатуры сплетутся в тугой узел все высокие нравственные понятия: долг, порядочность, воля, доброта”.

Жуков прекрасно знал, кому доверить хозяйство.

Знал и Берзарин, кого назначает военными комендантами районов. Знал каждого. По боям. По отношению к службе, к подчинённым, к порученному делу, к материальным ценностям, к врагу, к пленным, к мирным жителям.

*— Насколько этот старый солдат, покорившийся судьбе, — сказал я, — лучше всех нас, молодых офицеров, обезумевших от честолюбия.*

*Это навело нас на размышления.*

*— Да, я твёрдо уверен, — продолжал я, проходя через малый мост, который подняли сразу же вслед за нами, — я уверен, что в наши времена нет ничего чище души такого вот солдата, до того щепетильного в вопросах чести, что он считает её запятнанной, даже если совершит самый пустячный промах в дисциплине или допустит малейшую небрежность. Не зная ни честолюбия, ни тщеславия, ни стремления к роскоши, он вечный невольник, который горд и доволен своей Неволей и приемлет её; для него самое драгоценное в жизни — это воспоминание, овеянное чувством признательности.*

*— И он полагает, что Провидение не сводит с него глаз, — заметил глубоко потрясённый Тимолеон, прощаясь со мною, чтобы пройти к себе.*

Ещё со времён дальневосточной службы, с озера Хасан Берзарин полубил кавалерийскую бурку. Чёрного цвета. Она и плащ при дожде, и шинель, и пол, и постель. Изнашивал одну, заводил другую. Другим в минуты откровения признавался: “Уйду в отставку, пойду на конный завод”. Лошадей любил. Часто садился в седло. Но чаще — на мотоцикл. Считал езду на мотоцикле прекрасным спортом, очень полезным для мужчины, особенно в его годы.

А годы-то были молодые — в начале апреля исполнился сорок один. Но выглядел старше своих лет. После тяжёлого ранения ходить стал меньше — болела нога. Немного раздобрел, раздвинулся в плечах, осел. Вот и завёл снова мотоцикл. И быстро, и удобно крутился по берлинским улочкам, расчищенным во многих местах только наполовину. И свиту из охраны с собой возить не надо, достаточно одного автоматчика.

Одновременно оставался командующим 5-й Ударной армии.

Надо заметить, что его войска, должно быть, закончили боевые действия самыми последними.

Когда на других участках уже затихла стрельба, когда иссяк поток пленных, вылезших из-под обломков зданий после объявления генералом Вейдлингом капитуляции гарнизона, и после многолетней тяжкой работы солдат одолел вязкий, словно августовский мёд, сон, в секторе 899-го полка 248-й стрелковой дивизии поднялся переполох. Вначале подумали: славяне на радостях палят в воздух, разряжают диски и обоймы, чтобы не оттягивали ремень. Но вскоре командиры насторожились: “Что за чёрт?!”

Впереди по фронту — исклёванное прямыми попаданиями здание Рейхсканцелярии. Где-то под ним — “фюрербункер”. Уже сообщили, что Гитлер покончил с собой. Перед штурмом Рейхсканцелярии штурмовой группе полка поступил приказ от командарма: “Постарайтесь захватить живыми оставшихся главарей фашистской Германии”. Никого из главарей захватить не удалось. То ли все главные трофеи уже расхватили штурмовые группы из других частей — здесь, в центре, в эти дни всё перемешалось, сбились в кучу многие подразделения не только соседних дивизий и корпусов, но и армий, — то ли главарей фашистской Германии последовали за своим фюрером.

В штаб астраханского полка доложили: на позиции батальона капитана Боровкова на Инвалиденштрассе со стороны Рейхсканцелярии — попытка прорыва колонны бронетехники в количестве до пяти единиц; артиллеристы подбили две единицы, остальные прорвались на второй рубеж, там останвлены бронейщиками; экипажи, потеряв несколько человек, укрылись в руинах зданий и ведут непрерывный огонь, в переговоры не вступают.

Комполка выслушал доклад и распорядился:

— Кончайте быстрее.

На всякий случай, памятуя приказание генерала Берзарина, послал туда группу автоматчиков: “Если есть кто из важных, взять живыми”.

Живыми взяли двоих в форме с петлицами СС, мужчину и женщину. Мужчина управлял бронетранспортёром, а женщина назвала себя фрау Эрной, машинисткой стенографического бюро доктора Фриче — заместителя министра пропаганды. Именно она и рассказала, что в другой группе, укрывшейся среди руин, находится бригаденфюрер СС Монке, личный пилот Гитлера Ганс Баур, хирург Людвиг Штумфеггер, рейхсгендфюрер Артур Акман и, самое невероятное, рейхсляйтер Мартин Борман.

Пленных отправили в штаб дивизии.

Атаку на засевших за руинами ээсовцев возглавили командир одного из батальонов астраханского полка капитан Кошурников и командир роты лейтенант Личугин. Они попали под шквальный огонь, и почти все погибли. После чего командир полка полковник Артёмов приказал сапёрам взорвать остатки домов, где засели ээсовцы.

Полковник Сергей Артёмов был молод, ему шёл двадцать девятый год. С Кошурниковым и Личугиным он шёл с Днестра. До слёз было жаль боевых товарищей, погибших, когда Берлин уже был взят и война, считай, закончилась. Кому нужна эта кровь? К чёрту Монке! К чёрту Бормана!

Когда кирпичная пыль осела, он ещё раз посмотрел на тела офицеров и солдат, рядком, словно для братского погребения, сложенных возле подбитого бронетранспортёра, и сказал адъютанту:

— Сообщи в штаб дивизии: больше пленных нет.

Смерть Мартина Бормана долгое время вызывала сомнения. Нет тела — нет дела. Пошли разного рода кривотолки, спекуляции. Но в 1973 году во время проведения строительных работ на Инвалиденштрассе в отвале обнаружили “скелетированные останки человеческого тела”. Судебно-криминалистическая экспертиза показала — эти останки принадлежат “партайгеноссе” Мартину Борману.

Части 5-й Ударной армии начали покидать центр Берлина. Им определены были места дислокации в менее разрушенных кварталах. Покидал Инвалиденштрассе и астраханский полк. Лошади и трофейные грузовики тащили дивизионные пушки с зачехлёнными стволами. Шли роты взводными колоннами. Полевую кухню с дымящейся трубой, в нескольких местах пробитой то ли осколками, то ли пулями, с кашеваром на передке тащил верблюд. Он шествовал своей царской походкой среди руин по центру Европы,

с величественным равнодушием окидывая взглядом окрестности только что отгремевшей битвы народов.

## 12

Потери армии, как, впрочем, и всех соединений 1-го Белорусского фронта, атаковавших Берлин, были огромными — 17966 человек убитыми и ранеными. Больше 5-й Ударной потеряла лишь 8-я гвардейская (24484 человека), 69-я армия (18446 человек) и 3-я Ударная (17993 человека). Когда в первых числах мая возле Бранденбургских ворот выстроили 248-ю стрелковую дивизию, по воспоминаниям её ветеранов, её полки, без тылов, едва дотягивали до батальона каждый.

На следующий день после капитуляции в расположение армии прибыл комфронта Г. К. Жуков. Из Карлсхорста на автомобилях в сопровождении офицеров штаба 5-й Ударной они подъехали к Рейхсканцелярии. Жукова интересовала судьба Гитлера и его останков.

Поиском останков Гитлера и Евы Браун занимались специальные команды.

Жукову доложили, что останки не найдены, что они сожжены и, по всей вероятности, закопаны где-то неподалёку. Пошли к кострищам. Берзарин всё время шёл рядом с Жуковым. Они разговаривали. Главноначальствующему советской военной администрации в Германии и коменданту Берлина было о чём поговорить. Конечно, и того, и другого волновала главная тема — останки Гитлера. Сталин требовал точной и исчерпывающей информации. Возможно, говорили о Бормане. О бое накануне на Инвалиденштрассе. Патрули ночью задержали бригаденфюрера СС Монке. После основательного допроса под усиленной охраной самолётом его сразу же отправили в Москву.

Они вошли во двор Рейхсканцелярии. Посреди небольшого сквера оставились возле остатков потухших костров. Ещё вчера здесь всё было завалено трупами немецких и советских солдат. Трупы убрали.

Офицер из группы поиска сказал, что, возможно, в одном из этих костров и были сожжены трупы Гитлера и Евы Браун.

После некоторой паузы Жуков сказал:

— На этих кострах немецкие солдаты кипятили воду...

Жуков тут же отдал распоряжение Берзарину организовать прочёсывание окрестностей.

Тут же несколько взводов были отправлены на прочёсывание. Ничего и никого не нашли. Но не обошлось без курьёза. Один взвод всё же арестовал “Гитлера”. Чуть выше среднего роста, чёлка на лбу, зачёсанная набок, прямой нос, усики... СМЕРШевцы тут же выяснили — хозяин лавочки с соседней Фридрихштрассе. “Ступай, папаша, домой...” Молодые автоматчики, отличившиеся при поимке “фюрера”, посмеивались друг над другом.

Как известно, 7 мая 1945 года в Реймсе, в штабе Верховного главнокомандования англо-американских экспедиционных сил состоялось подписание документа о капитуляции германских вооружённых сил. Акт подписали американский генерал Смит, немецкий генерал Йодль и генерал-майор Красной армии И. А. Сулопаров, в тот период бывший при штабе союзных экспедиционных войск. Именно благодаря эпизоду в Реймсе история и сохранила имя этого неприметного генерала. Генерал, однако, своё дело сделал, на итоговом акте, видимо, имея на то особые инструкции, сделал приписку, что это соглашение не окончательное.

На 8 мая в Карлсхорсте, в штабе 5-й Ударной армии, в одном из просторных залов Военно-инженерного училища была назначена церемония подписания основного документа — Акта о безоговорочной капитуляции Германии, её вооружённых сил перед армиями союзных государств.

Берзарин был принимающей стороной. Этот день был для него непростым. В аэропорту Темпельхоф встречали одну за другой делегации союзников и своих. Военный комендант Берлина, начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал армии В. Д. Соколовский, член Военного совета

5-й Ударной армии Ф. Е. Боков и группа офицеров центральной комендатуры, переводчики, фотокорреспонденты и кинооператоры часами стояли на краю взлётной полосы в ожидании прилёта очередного борта. Прибыли Маршал британских Королевских ВВС и заместитель главнокомандующего союзными экспедиционными силами маршал Артур У. Теддер (Великобритания) с группой офицеров, командующий стратегическими воздушными силами союзников Чарльз А. Спаате (США), главнокомандующий союзными военноморскими силами в Европе адмирал Королевского флота сэра Гарольд Бэрроу (Великобритания). Из Франции — генерал Ж. де Латр де Тассиньи. Из Москвы прилетел первый заместитель наркома иностранных дел СССР, назначенный\* политсоветником при Главном начальствующем Советской Военной администрации в Германии маршале Советского Союза Г. К. Жукове. Сталин уже включил механизм медленной и постепенной отставки Маршала Победы: вначале он всячески и со всех сторон ограничил его власть, потом вывел на второй план, а затем и вовсе — в тень, в Одессу и на Урал.

Один из участников этого почётного эскорта после войны рассказывал, что стоять в ожидании очередного борта было тягостно. Все знали: у Берзарина болела нога. После тяжёлого ранения он не вполне восстановился. И вот стали замечать: вначале Николай Эрастович начал прихрамывать, потом с тоской стал поглядывать по сторонам, на что бы опереться, но, не найдя ничего подходящего — ни дерева, ни парашюта на взлётной полосе не было, — сел прямо на бетонку. Так и сидел, пока не пошёл на посадку очередной самолёт.

Для церемонии подписания Акта подготовили зал бывшей офицерской столовой военно-инженерного училища. Мебель и огромный ковёр были привезены из Рейхсканцелярии. Дорогу из аэропорта до Карлсхорста отремонтировали. Сапёры взорвали и расчистили остатки немецких баррикад, укреплений и завалов.

Из Фленсбурга под охраной английских офицеров доставили бывшего начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта фельдмаршала Вильгельма Кейтеля, главнокомандующего кригсмарине адмирала фон Фридебурга и генерал-полковника люфтваффе Штумпфа. Они имели полномочия от правительства Дёница на подписания Акта о капитуляции.

Ровно в полночь по московскому времени участники церемонии вошли в зал. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков открыл заседание: “Мы, представители Верховного главнокомандования советских вооружённых сил и Верховного командования союзных войск, уполномочены правительствами стран антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования”.

Текст Акта почти дословно повторял текст документа, подписанного двумя сутками раньше в Реймсе. Изменения коснулись следующего:

а) словосочетание “Советское Верховное Командование” заменено на “Верховное Главнокомандование Красной Армии”;

б) расширена и детализирована статья 2-я в части требований к германским вооружённым силам по разоружению, передаче и сохранности оружия и военного имущества\*\*;

в) удалена преамбула: “Только данный текст на английском языке является авторитетным” и добавлена статья 6-я с преамбулой: “Этот акт составлен на русском, английском и немецком языках. Только русский и английский тексты являются аутентичными”.

В нашей официальной историографии акт, подписанный в Реймсе, считается “предварительным протоколом капитуляции”. На Западе реймский акт расценивается как собственно акт, как основной, а акт в Карлсхорсте — как его ратификация. Черчилль с тех пор заявил по британскому радио: “Вчера утром, в 2:41 утра, генерал Йодль <...> и гросс-адмирал Дёниц <...> подписали акт безоговорочной капитуляции всех германских сухопутных, морских и воздушных сил <...>. Сегодня это соглашение будет ратифицировано

\* Официально назначен с 30 мая 1945 года.

\*\* Имущество побеждённых было немалым: заводы, наземный транспорт, корабли, самолёты, технологии, новые разработки.



и подтверждено в Берлине”. Американские историки карлхорстский акт даже не упоминают\*.

Граждане Советского Союза узнали о подписании в Карлсхорсте Акта о капитуляции Германии из сообщения Совинформбюро 9 мая 1945 года в 2 часа 10 минут ночи по московскому времени. Диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан торжественно зачитал текст Акта о военной капитуляции фашистской Германии и Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении дня 9 мая праздником Победы. Радио транслировало сообщение всю ночь и весь день 9 мая. Вечером 9 мая с обращением к советскому народу выступил вождь государства И. В. Сталин, после чего Левитан зачитал приказ Верховного Главнокомандующего о полной победе над фашистской Германией и об артиллерийском салюте — “сегодня, 9 мая, в 22 часа тридцатью залпами из тысячи орудий”.

Вот почему День Победы 9 Мая у старшего поколения ассоциируется с голосом Левитана и Сталина.

Генерал Берзарин присутствовал на церемонии подписания Акта.

Праздники проходят быстро. Шампанское было выпито. Ордена и медали розданы. Начались будни.

Три недели Берзарин был в Берлине единоличным правителем. За эти дни и ночи (именно так) было сделано многое и главное: налажено коммунальное хозяйство города с населением в три с половиной миллионов жителей. Открылись магазины. Заработали поликлиники и больницы. По предложению коменданта маршал Г. К. Жуков распорядился освободить из лагерей и мест накопления врачей, фельдшеров и медицинских сестёр. Ими тут же укомплектовали медучреждения, которые нуждались в кадрах специалистов.

Энергичную работу генерала Берзарина и его комендатур берлинцы восприняли с энтузиазмом. С утра до вечера мужчины и женщины, старики и подростки разбирали завалы, стены рухнувших домов. Уцелевшие кирпичи и всё, пригодное для стройки, складировали в отдельные штабеля. Мусор и щебень грузили на вывоз. Ими засыпали овраги, окопы и воронки от авиабомб.

Как вспоминают ветераны 5-й Ударной, в те дни поступил приказ командарма в самые кратчайшие сроки представить к наградам всех отличившихся в боях во время Берлинской наступательной операции и предшествовавших. Боевого серебра и золота в те дни не жалели.

Однажды Берзарин приехал в расположение одного из стрелковых батальонов. Адьютант подал список награждённых. Солдаты, сержанты, старшины и лейтенанты выходили к столу. Командарм вручал им ордена Славы и Красной Звезды, медали “За отвагу” и “За боевые заслуги”. И вот награды закончились. Берзарин поблагодарил командира батальона и ротных и уже собирался уезжать, но заметил солдата, стоявшего в конце шеренги. Пожилой, в застиранной гимнастёрке, аккуратно залатанной на плече. На ногах — стоптанные ботинки, чёрные обмотки. На груди — ни одной награды, только нашивки за ранения. Нашивок много, целая колодка — жёлтые, за лёгкие ранения, красные — за тяжёлые. Подошёл к нему. Солдат шагнул из строя, представился.

— С какого года на фронте?

— С сорок первого, товарищ генерал-полковник! — бодро ответил солдат. Берзарин тут же оглянулся на офицеров. Те подбежали к нему.

— Где воевали?

— Московское направление, — ответил солдат. — Вязьма, Тула, Калуга...

— Командир роты, — спросил Берзарин старшего лейтенанта, — хороший солдат?

— Так точно!

— Представить к медали “За боевые заслуги”.

Подошёл к другому:

---

\* Примером этого может служить фундаментальный труд известного американского журналиста и историка Второй мировой войны Уильяма Лоуренса Ширера (1904–1993) “Взлёт и падение Третьего рейха”.

— С какого года воюете?  
— С сорок третьего! С Курской дуги! С вами, товарищ генерал-полковник, с Днестра!  
— Командир роты, хороший солдат?  
— Так точно, хороший.  
— Как вёл себя во время штурма? Где находился?  
— Был в танковом десанте. Одним из первых переправился через Шпрее.  
— Представить к медали “За отвагу”. Всех наградить, кто добросовестно выполнял приказы командиров и не запятнал себя в дни мира.  
Вот за что ещё любят солдаты своих генералов.

Постепенно, когда машина городского хозяйства начала работать более или менее ровно, некоторые рычаги налаженного самоуправления Берзарин начал передавать самим немцам.

Десятого июня 1945 года маршал Г. К. Жуков подписал приказ о разрешении деятельности политических партий. В театрах возобновились репетиции. Уже 27 мая в театре “Ренессанс” состоялась первая постановка. В конце мая в Штётглице, в зале “Титания-плас” дал первый концерт оркестр Берлинской филармонии под управлением Лео Борхарда. Заработали музеи. Восстанавливались картинные галереи, приводились в порядок их собрания и запасники.

Ожили стадионы. Состоялся футбольный матч Франция — Советский Союз. Команды собрали из солдат и офицеров. Болеть пришли тысячи берлинцев. Во время матча возбуждённые французские болельщики пели “партизанский гимн”: “От леса и до леса, по краю обрыва идут отважные мстители...”

Для берлинцев Берзарин ничего не жалел. Порой выколачивал из армейских фондов продукты для стационаров больниц. Детям начали выдавать бесплатное молоко.

В один из дней с купола Рейхстага сняли “святой символ Победы” — знамя 150-й стрелковой Идрицко-Берлинской ордена Кутузова дивизии 79-го стрелкового корпуса 3-й Ударной армии. Знамя Победы отправляли в Москву. На флагштоке закрепили полотнище государственного флага Союза ССР.

Идрицкая дивизия для Берзарина не чужая. Хотя и не его армии. Формировалась она третьим своим формированием в тех местах, где он когда-то воевал, — на Валдае. И даже входила в состав 34-й армии. Прикрывала Ильменское и Старорусское направление.

Берзарин руководил церемонией прощания со знаменем. Провожал эскорт в аэропорт Темпельхоф. Передал письмо и посылку для семьи. Скучал по родине.

*Родина — это некое бесплотное существо, которое я видел лишь мельком, но которому я рабски служу и которое ко мне тем суровее, чем нужнее я для него становлюсь. Таков общий удел, больше того: эти цепи должны быть для нас дороже всего на свете, но порою они очень тяжки.*

Из рассказа первого коменданта Рейхстага полковника Фёдора Матвеевича Зинченко: “Впервые я встретился с Николаем Эрастовичем в двадцатых годах в Благовещенске. Он командовал взводом, а я был у него помощником. А в 30-е годы армейская служба лихо закрутила нас — Берзарин дорос до командира дивизии.

Его дивизия отличилась в боях у озера Хасан. В Великую Отечественную Берзарин командовал уже армией. Фронтовая судьба разбросала нас по разным фронтам. Хотелось встретиться. Но узнает ли он меня? Узнал! Не забыл имя и отчество.

“Здравствуй, здравствуй, Фёдор Матвеевич! Когда я прочитал о героях штурма Рейхстага и о том, что полком, воины которого водрузили победный стяг над Рейхстагом, командует Зинченко, сразу подумал: “Не тот ли? Мой командир...” Оказывается, он самый. Как братья твои воюют? У тебя их, кажется, трое...”

“Было, Николай Эрастович. Алексей погиб уже здесь, под Берлином. Емельян погиб ещё в сорок первом под Москвой. В Сталинграде — Владимир...”

“Крепись, Фёдор Матвеевич... Огромное количество народа погибло. И сколько ещё умрёт от ран и других последствий войны”.

Я слушал генерала Берзарина, старавшегося утешить меня, и не мог предположить, что самому ему оставалось жить чуть больше месяца”.

С 14 мая начал действовать городской трамвай. Пошли автобусы.

На следующий день, 15 мая Берзарин подписал приказ о разрешении берлинцам свободно передвигаться по городу с 5:00 до 22:30.

А ещё через день районные коменданты сообщили, что начала работать канализация.

В магазинах увеличивался ассортимент товаров. В какой-то период основными покупателями в Большом Берлине были офицеры и солдаты Красной армии, потом, когда город разделили на секторы, покупателей из числа военных стало ещё больше — англичане, янки, канадцы, новозеландцы...

Началась демобилизация солдат старших возрастов и военнослужащих женщин. Всем хотелось привезти домой из богатой Германии хоть какие-то подарки.

Ещё когда войска перешагнули границы Третьего рейха, вышел приказ НКО СССР № 0409 от 26.12.1944 г.: всем военнослужащим действующих фронтов разрешалось раз в месяц отправлять в советский тыл одну личную посылку, для рядового и сержантского состава — 5 кг, для офицерского — 10 кг, для генералитета — 16 кг. Определён был и размер посылки: не больше 70 см в каждом из трёх измерений. Чаще всего домой посылали американские сухпайки, консервы, растворимый кофе, медикаменты — стрептомицин, пенициллин. Демобилизованным разрешалось увезти домой всё, что они могли взять с собой в качестве личной поклажи. Крупногабаритные вещи и предметы закрепляли между вагонами и на крышах.

Грабежи и насилие прекратили быстро. Приказы в отношении насильников и мародёров были жёсткими — расстрелы перед строем. Барахло, таким образом, покупали. В основном на барахолках. Там можно было купить всё и сравнительно недорого. Лучшей и универсальной валютой были продукты, спиртное, табак, хотя ходили рейхсмарки, оккупационные марки, валюта стран-победительниц. Самые ловкие срывали свой барыш на разнице стоимости валют. Курс был искусственным.

С декабря 1944 года красноармейцам и офицерам шло двойное жалование: в рублях и в марках. Курс рубля был необычайно высоким, так что марки солдаты получали пачками. Вдобавок ко всему полковые полевые сберкассы выплатили выжившим ежемесячные оклады за все прошлые месяцы и годы. А потому и тратили их при каждом удобном случае, иногда с куражом, по-русски. Американцы, к примеру, кто и организовал в Берлине самые большие “толкучки”, считали русских “самыми хорошими покупателями — легковерными, плохо торгующимися и очень богатыми”.

Впрочем, дураков всегда хватало. Находились такие, кто, вопреки здравому смыслу, прямиком лез на рожон. Но рано или поздно они попадали в руки комендантских взводов, а там, как правило, суд был недолгим. Трибуналы работали споро.

Архивы не спешат снимать замки со своих шкафов. Однако данные по 1-му Белорусскому фронту опубликованы. По докладу военного прокурора 1-го Белорусского фронта о противоправных действиях военнослужащих в отношении гражданского населения за период с 22 апреля по 5 мая 1945 года зафиксировано 124 преступления. Из них 72 изнасилования. А это семь армий. 908 тысяч 500 человек.

Можно предположить, что число действительных случаев насилия солдатами и офицерами РККА немок было значительно большим. Однако “подвиги” американских оккупационных войск значительно перекрывают “советские” цифры. Профессор и криминалист Роберт Лилли (США) после тщательной работы в американских военных архивах опубликовал следующие данные:

к ноябрю 1945 года трибуналы армий, действовавших в Германии, “рассмотрели 11 040 случаев серьёзных сексуальных преступлений”.

Профессор истории Университета Констанца (юго-запад Германии) Мириам Гебхардт провела многолетние архивные исследования, многочисленные интервью с жертвами и очевидцами, результатом которых стала её книга “Когда пришли солдаты”. Выводы фрау Гебхардт таковы: “джи-ай” за время своего освободительного похода в нацистскую Германию изнасиловали 190 000 немок.

Впрочем, реальности войны были таковы, что американцы и во время боевых действий, если это можно назвать таковыми, демонстрировали те же манеры. Одна только бомбардировка Дрездена чего стоит! Около 150 000 убитых, растерзанных, раздавленных обломками домов, сгоревших заживо жителей города, где не было ни военных объектов, ни воинских частей. Под удар союзной армады попали женщины, дети, старики. Когда войска антигитлеровской коалиции атаковали границы Германии, в Дрезден потянулись беженцы. Со всех германских земель. Люди надеялись на то, что город, не имеющий ни малейшего военного значения, бомбить не будут. Его бомбили 796 самолётов, двумя волнами. Огненный смерч с температурой в полторы тысячи градусов стоял несколько часов. Кирпич плавился. Площадь разрушения — в четыре раза больше, чем в Нагасаки спустя лишь некоторое время. Во время штурма Берлина нашими армиями ничего подобного не применялось. Никому из военных и политиков и в голову не пришло, что, проводя Берлинскую наступательную операцию, к примеру, ради устрашения защитников Большого Берлина и войск, стоявших в Заодерской равнине и на Зееловских высотах, надо жестоко, до тысячи бомбардировщиков, несколькими волнами отбомбить город. Разрушить, зажечь его, чтобы над ним гулял смерч в полторы тысячи градусов...

Вот откуда среди немецких женщин ходила шутка: “Лучше русский на мне, чем янки надо мной...”

А в расположении советских войск и у дорог, по которым курсировали машины с красноармейцами, висели фанерные плакаты: “Смотрит на тебя немка ласковым оком. Гляди, боец, как бы тебе это не вышло боком”.

### 13

Мотоциклы он любил. Лошадей, правда, больше. Но мотоциклы — сразу после лошадей. И был у него мотоцикл ещё на Днестре, в дни Яско-Кишинёвской операции. Правда, тогда комфронта Фёдор Иванович Толбухин, узнав о том, что командующий армией увлётся быстрой ездой на мотоциклете, да ещё без охраны, выговорил ему. И Берзарин подчинился — передал мотоцикл в батальон связи. И ведь действительно, там он нужнее.

— Ради чего вы рискуете? — качал головой генерал Толбухин. — Вы даже не пользуетесь шлемом. В мотоциклетном полку это считается серьёзным нарушением правил езды.

— Экономлю время, — попытался оправдаться командарм.

— Для экономии времени у вас есть бронетранспортёр. Если этого недостаточно, я вам выделю лёгкий танк.

В Берлине он снова сел на мотоцикл. Мощный, скоростной “харлей”, подарок американцев, носил его по городу, от комендатуры к комендатуре, от объекта к объекту. В коляске — сержант-ординарец с автоматом. Вначале ездил в танкистском комбинезоне. Потом стал надевать генеральский мундир, обычно белоснежный, всегда чистый, тщательно отглаженный.

Был у него и другой мотоцикл — трофейный немецкий *Zündapp KS 750*. Из-за больших габаритов его называли “зелёный слон”. На него-то и сядет в то роковое утро генерал Берзарин.

Из воспоминаний генерала Ф. Е. Бокова: “Поздно вечером 15 июня я зашёл в кабинет командарма. Из штаба мы часто уходили домой вместе. Наши коттеджи располагались по соседству. Николай Эрастович был в прекрасном настроении, по дороге много шутил и смеялся. Через несколько суток он должен был лететь в Москву на Парад Победы и с нетерпением ждал этого часа.

— Очень соскучился по семье, по маленькой дочурке, по Москве, — говорил он. — Так хочется видеть наш столичный город мирным, без затемнения и зениток.

— Сейчас июнь, самое чудесное время: её улицы утопают в зелени, всюду цветы, — поддержал я разговор.

— Да разве важно, какой месяц? Москва всегда прекрасна! — воскликнул Николай Эрастович почти с юношеским задором.

Мы договорились встретиться на приёме демократических женщин и попрощались. А утром дежурный по штабу позвонил мне домой и срывающимся голосом доложил:

— Товарищ член Военного совета, убит генерал Берзарин”.

Убит. Так доложил дежурный офицер.

В Москву полетела “молния”. Верховного Главнокомандующему сообщили об обстоятельствах гибели одного из лучших его генералов:

“Сегодня, 16 июня в 8:15. В городе Берлине от катастрофы на мотоцикле погиб Герой Советского Союза, командующий 5 Ударной армией и комендант города Берлина — Берзарин Николай Эрастович.

Смерть произошла при следующих обстоятельствах. В 8:00 тов. Берзарин на мотоцикле с коляской выехал в расположение штаба армии. Проезжая по улице Шлоссптрассе со скоростью 60–70 км, у перекрёстка с улицей Вильгельмштрассе, где регулировщиком пропускалась колонна грузовых автомашин, Берзарин, не сбавляя скорости и, видимо, потеряв управление мотоциклом, врезался в левый борт грузовой автомашины “форд-5”.

В результате катастрофы Берзарин получил пролом черепа, перелом правой руки и правой ноги, разрушение грудной клетки, с мгновенным смертельным исходом. С ним вместе погиб находившийся в коляске его ординарец, красноармеец Поляков.

Учитывая особые заслуги перед Родиной генерал-полковника Берзарина Н. Э., а также нежелательность оставления его могилы на территории Германии, прошу Вашего разрешения на похороны тов. Берзарина в Москве, с доставкой самолётом.

Семья тов. Берзарина, состоящая из жены и двух детей, проживает в Москве”.

Телеграмму подписали маршал Г. К. Жуков и генерал К. Ф. Телегин.

Гроб с телом генерала Берзарина установили в том самом зале, где в мае маршалы и генералы подписывали Акт о капитуляции Германии.

На церемонию прощания пришли командиры корпусов и дивизий, офицеры комендатуры. Пришёл православный священник. Отпел по полному чину. Никто ему не мешал. Говорили потом, что его пригласил маршал.

Маршал стоял в траурном почётном карауле, слушал слова молитвы берлинского батюшки, по всей вероятности, из бывших русских эмигрантов. Вместе с офицерами нёс гроб и шёл потом за грузовиком с откинутыми бортами по дороге в аэропорт. Этим же бортом он улетел в Москву. Принимать Парад Победы...

Существует несколько версий гибели генерала Берзарина. Вплоть до самых невероятных. Повторять их, даже вкратце, не стану. Ни к чему, их можно найти в интернете.

Достоверно одно: “...с разрушением грудной клетки, с мгновенным смертельным исходом...”. Как в бою. Как во время кремешной атаки, когда — грудью на штык, когда непонятно, чья возьмёт...

— ...Мне остаётся посоветовать вам лишь одно: служите идее, а не человеку. Любовь к родине — идея достаточно высокая, чтобы заполнить ею наше сердце и занять наш разум.

— Увы! Милорд, — ответил я, — бывают времена, когда не так-то просто узнать, чего от нас хочет Родина. Я спрошу об этом у моей...